

ВЕЧНЫЙ КРОЛИК

ДЖАСПЕР ФФОРДЕ

Роман похож на безумную смесь
«Обитателей холмов» и «1984».

The Guardian

fan_zon

Джаспер Ффорде Вечный кролик

Серия «Fanzon. Большая фантастика»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65404861
Вечный кролик: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-155253-4*

Аннотация

55 лет назад в полнолуние выпал снег, потом начался самый жаркий из дней лета, который закончился зеленым закатом. В радиусе 16 миль заржавела вся алюминиевая фольга, а стекло стало блестеть, как нефтяная пленка на воде. Тогда очеловечились 18 кроликов – изменились, выросли и приобрели человеческие формы.

Почему? Это шутка высших сил? Или средство, чтобы заставить возгордившихся своей уникальностью людей задуматься?

Но наша история начинается, когда семья Кроликов переселяется в городок, где им не рады.

Содержание

Скоростное Библиотекарство	4
Тосты и «Две ноги – хорошо»	25
Опознаватели и опознание	50
Фадды и Ушастые	61
Росс и кролики	72
Грисвольд и сплетни	87
Пиппа и листовки	98
В воскресенье по соседству	105
Бесплодные поиски и поход по магазинам	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Джаспер Ффорде

Вечный кролик

*Не будет лишним чаще повторять: все живое
едино.*

*«Краткая история почти всего на свете», Билл
Брайсон*

*Для человеческого глаза всякий кролик выглядит
почти так же, как и любой другой.*

«Частная жизнь кролика», Р. М. Локли

Скоростное Библиотекарство

*Кто-то однажды сказал, что на самом деле
доминирующая форма жизни на нашей планете
– это библиотеки. А люди существуют лишь
для того, чтобы помогать им плодиться и
размножаться.*

– Вы все еще смотрите вестерны, баронесса Тэтчер? –
спросил я, медленно прохаживаясь перед шеренгой волон-
теров, стоявших наготове снаружи нашей библиотеки –
небольшого здания в псевдонеотюдоровском стиле, распо-
ложившегося в центре Муч Хемлока, что посреди графства
Херефордшир, которое, в свою очередь, находится почти в

самом сердце Великобритании.

Муч Хемлок был, во всех смыслах этого слова, середнячковым местечком.

– Самые лучшие вестерны это те, которые совсем на вестерны и не похожи, – сказала баронесса Тэтчер, – например, когда они больше смахивают на древнегреческий эпос. Как «Железная хватка», к примеру.

– Мне больше по вкусу «Шейн», – сказал Стэнли Болдуин, который, как мне казалось, воображал себя сладкоречивым человеком, обладающим недооцененной властью и влиянием. Уинстон Черчилль заявила, что они оба неправы и что фильм «Случай в Окс-Боу» гораздо лучше, поскольку в нем поднималась в целом поучительная тема внесудебной расправы. Невилл Чемберлен попыталась примирить их и найти какой-нибудь компромисс, в то время как Дэвид Ллойд Джордж просто молча сидела рядом и отдыхала, морально готовясь к напряженным шести минутам Скоростного Библиотекарства, которые нам предстояло пережить.

Пожалуй, мне стоит пояснить. Созданная и расхваленная правительством АКроПаСК «Рабочая группа по стратегической разработке и внедрению библиотек в сельской местности» в соответствии с предвыборными обещаниями партии оставила библиотеки открытыми, но сократила число библиотекарей ровно до одного, при этом еще и урезав ему рабочие часы. А это означало, что каждая из двенадцати библиотек графства могла открываться лишь раз в две недели

ровно на шесть минут.

И вот тут-то на сцене появлялся отряд лжеполитиков, отобранных лично мною. Благодаря тщательному планированию, быстрым передвижениям, четкому пониманию десятичной классификации книг Дьюи и жесткому следованию инструкции мы могли за отведенные нам триста шестьдесят секунд принять, выдать, отложить и продлить двухнедельный объем книг. Все и вся называли это мероприятие не иначе как *Блицкниг*.

Меня зовут Питер Нокс, но в ближайшие шесть минут для вас я – Джон Мейджор.

– Вы готовы, Стэнли? – спросил я мистера Болдуина, который отвечал за возврат и отложенные книги. На самом деле его звали мистер Слокомб, и он был отставным подполковником королевских ВВС Великобритании. Он был знаменит тем, что потерял ухо, катапультируясь из своего «Хантера» над Аденом. Что примечательно, среди обломков бомбардировщика нашли одно-единственное ухо, которое потом пришили на место. Что еще примечательнее – ухо оказалось не его.

– Всегда готов, командир.

– Мистер Мейджор? – позвала меня миссис Грисвольд, которая обычно заведовала магазином Муч Хемлока, почтовым отделением, местными сплетнями и пабом. – Я не могу вспомнить, кто я – Уинстон Черчилль или Дэвид Ллойд Джордж.

– Вы – Дэвид Ллойд Джордж, – ответил я. – Вы берете книги с полок и передаете их мистеру Чемберлену, который относит их на стойку к миссис Тэтчер, которая передает их Единственному Библиотекарю, чтобы та их проштамповала. Это же *так просто*.

– Точно, – сказала миссис Грисвольд. – Дэвид Ллойд Джордж. Поняла.

Для Скоростного Библиотекарства я разработал систему экстренных кодов, и миссис Грисвольд точно подходила под код 3–20: «Лицо, приглашенное в команду *Блица* из дипломатических соображений, но не приносящее совершенно никакой пользы». Увы, но никто, кроме меня, не знал, что означает код 3–20, поскольку система пока еще не получила того внимания, которое, как мне казалось, она заслуживала. Кстати, у такого положения дел тоже был свой код – 5–12: «Недостаточный интерес к эффективным методикам».

Часы на церкви пробили без четверти одиннадцать, и болтовня затихла. Началось молчаливое ожидание. Мы уже видели, что Единственный Библиотекарь готовится к открытию. Она разрешала нам ставить книги на полки, записывать бронь в журнал и даже пользоваться карточками, но вот ее печати были священны – их могла касаться лишь она. Именно поэтому миссис Тэтчер должна была раскладывать книги и карточки перед Единственным Библиотекарем, чтобы та могла проштамповать как можно больше. Ритмичный стук резиновой печати о бумагу был лакмусовой бумажкой, гово-

рившей об успешности *Блицкнига*.

А еще Скоростное Библиотекарство быстро становилось зрелищным видом спорта. Телевидение, к несчастью, к нам пока не приезжало, но на каждый *Блиц* приходили местные зеваки, готовые морально поддержать нас и обеспечить после *Блица* чаем, печеньками с тмином, полотенцем, чтобы утереть пот, и массажем. Впрочем, не все зрители приходили, чтобы помочь. Норман и Виктор Маллет были де-факто старейшинами нашего поселка и занимали главенствующее положение почти в каждом собрании, от приходского совета до церковного фонда. Даже когда Муч Хемлок принимал участие в конкурсе от компании «Спик и Спан» «Самый красивый и аккуратный поселок Херефордшира», и тут они были главными. Они не очень-то любили библиотеки и считали, что те «лишь попусту тянут деньги из государственного бюджета».

На этот раз они заявили якобы для того, чтобы поддержать текущего Невилла Чемберлена, роль которого играла супруга Виктора Маллета. Но на самом деле они пришли, чтобы всласть повозмущаться всем, что не вменялось в рамки их узкого мировоззрения, и забрать иллюстрированную копию «Побед и достижений британской колониальной системы», которую Норман просил для себя отложить.

За две минуты до открытия мистер Черчилль, которая должна была заниматься продлением, аудиокнигами и заменой старых журналов на чуть менее старые, дала нам понять,

что ей нужно отлучиться в туалет и в ближайшие пятнадцать минут она вряд ли вернется. К счастью, эта проблема не была неразрешимой, ведь мистер Битон, мой давний друг и сосед, был еще и дублером, готовым взяться за любую роль.

– Сможешь изобразить Черчилля? – спросил я.

– «Мы никогда не сдадимся», – широко улыбаясь, ответил он, а затем глубоко, с надрывом закашлялся.

– Вы хорошо подумали? – негромко сказал мне Стэнли Болдуин. – Мне кажется, ему нездоровится.

– Мистер Битон в превосходном здравии! – как можно более обнадеживающе заявил я, хотя в действительности оснований для этого у меня не было: у мистера Битона было столько болячек, что его скорее следовало называть не пожилым человеком, а ходячей медицинской загадкой. За всю свою долгую жизнь ему посчастливилось избежать лишь двух недугов: «теннисного локтя» и смерти.

Так мистер Битон, ставший Уинстоном Черчиллем, послушно занял свое место у тачки, в которую были аккуратно сложены сорок шесть книг, отсортированных по номерам полок, чтобы их было удобнее туда возвращать. Я кивнул Дэвиду Ллойд Джорджу, обращая ее внимание на неожиданную замену в составе команды, и она кивнула мне в ответ. Затем мы увидели, как Единственный Библиотекарь подходит к главному входу в библиотеку и смотрит на часы, чтобы убедиться, что она не откроет двери ни на секунду раньше срока.

А это было действительно важно. Снаружи стояли два сотрудника Отдела по контролю времени открытия библиотек Херефордшира, вооруженные планшетами и секундомерами. Работа обоих оплачивалась – причем достойно – Рабочей группой по стратегической разработке и внедрению библиотек в сельской местности, в которой на данный момент трудилось чуть менее четырех тысяч человек. По чистой случайности, *ровно* столько же библиотекарей оказались не нужны для выполнения предвыборных обещаний АКроПаСК.

Я посмотрел на собственные часы.

– Стрелки говорят, пора начинать наше шоу.

Единственный Библиотекарь сдвинула щеколду в сторону, и дверь распахнулась. Мы вошли внутрь по-военному четко, Уинстон Черчилль толкал перед собой тачку с книгами на возврат, а Мэгги Тэтчер тем временем запустила секундомер.

– Доброе утро, – поприветствовал я Единственного Библиотекаря.

– Доброе утро, мистер Мейджор, – нараспев ответила она. – Как думаете, мы успеем сегодня выполнить план?

– С такой же легкостью, с какой заключили Маастрихтский договор, – ответил я, стараясь излучать уверенность, хотя на самом деле я думал, что мы справимся с возвратами и выдачей, но не успеем оформить продления и отложенные книги. Наша команда быстро разошлась по своим местам: мистер Черчилль, миссис Тэтчер и Стэнли Болдуин отпра-

вились прямым к стойке и передали книги Единственному Библиотекарю. Через несколько секунд воздух наполнился ритмичным стуком – тук-тук-тук, – говорившим о том, что работа пошла.

В то же время Дэвид Ллойд Джордж и Невилл Чемберлен заспешили к полкам и начали перекладывать заранее заказанные читателями книги на тачку, готовясь передать их на стойку в тот же миг, когда с возвратами, продлением и бронью будет покончено. И тогда же мистер Болдуин вместе с Невиллом Чемберленом смогут поставить возвращенные книги на полки.

– Время? – громко спросил я.

– Прошло девяносто секунд, мистер Мейджор, – ответила миссис Тэтчер.

Все шло как по маслу, пока стук печати Единственного Библиотекаря вдруг не прекратился. Это означало, что в системе произошел сбой, и одновременно с этим Невилл Чемберлен объявила, что не может найти экземпляр «Планеты людей».

– Поищите в «Авиации», отдел три-восемь-семь, – сказала Единственный Библиотекарь, демонстрируя свое глубочайшее знание классификации Дьюи.

Пока Невилл разбиралась, на своем ли месте стоит Антуан де Сент-Экзюпери, я подошел посмотреть, из-за чего застопорилась обработка возвратов. Оказалось, что произошел код 2–76: миссис Дибли задержала книгу «Генри Форд и

другие примеры для подражания для озлобившейся молодежи» на восемнадцать недель дольше положенного, и Единственный Библиотекарь заполняла бланк для штрафа.

– Эта леди явно не собиралась ничего возвращать, – сказала миссис Тэтчер, указывая на задержанную книгу. Я поморщился. Сегодняшний *Блиц* точно будет не из простых, но пока что ситуацию еще можно было спасти.

– Как у вас дела с «Планетой людей», мистер Чемберлен? – крикнул я в сторону полок. В тот же миг Дэвид Ллойд Джордж подкатила к стойке тележку, полную книг на выдачу.

– С «Планетой людей»? Да я принесла вам мир для всех людей!¹ – ответила Невилл Чемберлен, победно поднимая нужную книгу.

Единственный Библиотекарь переключилась с возвращенных книг на выдаваемые, и ее печать застучала по-другому: тук-тук, тук-тук. Один удар приходился по библиотечной карточке, а второй – по графе «вернуть до...» в читательском билете, вложенном в начало книги. Следующим этапом была расстановка книг по полкам, и к тому моменту, когда миссис Тэтчер объявила, что «осталось две минуты», мы уже почти закончили, и наш небольшой отряд смог немного расслабиться. Этот *Блиц* мы наверняка закончим

¹ Отсылка к заявлению Н. Чемберлена от 30 сентября 1938 года, в котором он, демонстрируя толпе бумагу с подписью Адольфа Гитлера, заявил о том, что Германия в ближайшее время не будет представлять военную угрозу. (Прим. пер.)

даже раньше срока. Я как раз возвращал экземпляр пугающе популярных «Величайших речей Сесил Родс в пересказе Освальда Мосли» в раздел «Аудиокниги», когда услышал позади себя:

– Я могу задать вам вопрос?

Я мгновенно замер, поскольку узнал этот голос. Я уже давно его не слышал, да и не думал, что когда-нибудь услышу снова. Негромкий, но с отчетливым юго-западным акцентом и легкой вопросительной интонацией. Я медленно повернулся, не зная, что сказать или сделать, и увидел перед собой Конни. Она смотрела на меня так же пронзительно, как и раньше, когда мы, будучи первокурсниками университета Барнстапла, засиживались вместе до ночи и пили кофе.

– Конечно, – сказал я, не понимая, узнала она меня или нет.

– Это вопрос о книге, – просияв, добавила она. Похоже, она совсем меня не узнала. Как ни странно, я почувствовал облегчение. Когда-то она мне нравилась, хотя я этого и не показывал, и, думаю, она чувствовала ко мне то же самое. Но после нескольких свиданий – она их таковыми, конечно, не считала, зато я мысленно называл их именно так, – ее попросили покинуть колледж, поскольку суд пересмотрел правовой статус ее приема. На этом все и закончилось. Я всегда хотел снова повидаться с ней, и в ближайшие недели мне предстояло частенько ее видеть. И через три месяца, во время битвы у Мей Хилл, я буду стоять рядом с ней, вдыхая за-

пах паленой резины и бездымного пороха и слушая далекие отзвуки артиллерийской канонады. Но в тот момент я, конечно же, об этом не догадывался, да и она, наверное, тоже.

– Ну, вы же все-таки в библиотеке, – сказал я, надеясь, что она не заметит внезапно охватившего меня замешательства. – Что вы хотели узнать?

По правилам, она вообще не могла здесь находиться, и во все не потому, что была крольчихой. Несмотря на то что жители городка *формально* имели право входить в библиотеку в рабочие часы, на практике этого никто не делал. Все-таки мы всего лишь исполняли свой гражданский долг, помогали обществу, а общество, в свою очередь, нам не мешало и разрешало продолжать трудиться от его имени. Так что я решил, что Конни – не просто моя старая знакомая, но еще и код 4–51: «Неопознанная гражданка в библиотечарском пространстве».

– Я ищу книгу «Крольчиха и предубеждение», – сказала она. – Она похожа на классический роман Остин, но действие происходит в крольчатнике и завязано на ушах, сексе, морковках, рытье норок и сексе.

– Вы сказали про секс дважды.

– Да, – сказала Конни, два раза моргнув. – Я знаю.

В отличие от людей, кролики почти не старели с возрастом – если им, конечно, вообще давали состариться. Вот и Конни практически не изменилась за те тридцать с лишним лет, что я ее не видел. Она была самой обыкновен-

ной Дикой крольчихой с коричневой шубкой, хотя ниже ростом и более хрупкого телосложения, чем большинство других представителей ее вида. На ней было коротенькое летнее платье в горошек, а поверх него – бледно-голубой кардиган на пуговицах. Ее длинные изящные уши были украшены маленькими сережками-гвоздиками – четыре посередине правого уха и три у основания левого. Сейчас, как и прежде, ее самой яркой чертой были глаза – большие и выразительные, один – ореховый, а второй – бледно-лиловый, цвета колокольчиков.

– Вы в порядке? – спросила она. Наверное, я слишком долго пялился на нее.

К счастью, именно в этот момент подала голос Невилл Чемберлен.

– «Крольчиха и предубеждение» должна быть в разделе шесть-три-два точка шесть-шесть, – сказала она, имея в виду номер из классификации Дьюи, относившийся к разделу «Техника (прикладные науки)/Сельское хозяйство и родственные отрасли/Уничтожение вредителей». Ответ был оскорбительным и предсказуемым. Все-таки она была замужем за Виктором Маллетом, а все хорошо знали, что их семейство враждебно относилось к любым чуждым им социальным и видовым группам. Поговаривали, что Маллеты приучали своих детей кормить уток лишь для того, чтобы они видели, «как эти твари дерутся между собой».

– Вообще-то, мистер Чемберлен, – возразил Стэнли Бол-

дуин, – скорее всего, это раздел шесть-три-шесть точка девять-три, – а вот это уже было менее оскорбительно. Раздел «Техника (прикладные науки)/Сельское хозяйство и родственные отрасли/Домашние животные/Кролики». Но снова мимо. Конни пришла сюда не за книгами *о* кроликах, а за серией британской классики, адаптированной *для чтения* кроликами. Серия была издана после события, известного как Спонтанное Очеловечивание. Тогда с финансированием таких адаптаций все было намного проще, поскольку интеграция кроликов в общество все еще считалась основным политическим курсом, а не несбыточными фантазиями идеалистичных либералов.

– Восемь-девять-девять точка девять-девять, мистер Мейджор, – прибавила Единственный Библиотекарь. Она не испытывала к кроликам никаких нежных чувств, но куда больше ее раздражало неправильное использование десятичной классификации Дьюи. – «Литература на других языках». Девятая полка.

– Я вас провожу, – сказал я, передавая возвращенные книги Невиллу, и она торопливо направилась к полкам, наверняка чтобы поскорее вернуться и продолжить высказывать свои шовинистические взгляды. Я же быстро повел Конни в секцию иностранной литературы.

– Слушайте, – сказала она, хихикнув, – а когда вы называли свою команду именами бывших премьер-министров, вы стянули эту идею из того фильма Кэтрин Бигелоу про

неудавшееся ограбление?

– Я... не понимаю, о чем вы.

– Да все вы понимаете, – сказала она. – Там еще Патрик Суэйзи и Киану Ривз снимались. Как же он назывался?

– «На гребне волны», – ответил я, вдруг вспомнив, что впервые посмотрел тот фильм с ней в студенческом кинотеатре. Мы заняли места в последнем ряду, где обычно садились влюбленные парочки, но мы там оказались вовсе не поэтому. Кролики, ходившие в кино, прекрасно понимали, что их уши, шевелившиеся от переизбытка эмоций, мешали зрителям сзади, и поэтому они из вежливости уходили на последний ряд. Помню, когда мы сели, наши плечи соприкоснулись, и мне это тогда очень понравилось, ведь никакой иной физической близости у нас не было.

– И я не стянул, – завершая свою мысль, добавил я, – а скорее позаимствовал.

– Точно, – улыбнувшись, сказала она. – «На гребне волны». Вы могли еще резиновые маски на всех надеть, прямо как в кино.

– В них неудобно, да и скрываться нам не нужно, – ответил я. – И потом, если найти маски миссис Тэтчер и Джона Мейджора еще можно, то Невилла Чемберлена и Дэвида Ллойда Джорджа днем с огнем не сыщешь.

– Я слышала, что маску Уильяма Шетнера² можно раскра-

² Уильям Шетнер – канадский актер и писатель. Стал известным благодаря роли Джеймса Тиберия Кирка, капитана звездолета «Энтерпрайз» в сериале

сить так, что он станет похож на кого угодно.

Я тоже слышал что-то такое, но вместо этого сказал:

– В масках, к тому же, очень трудно что-либо увидеть.

– Девяносто секунд! – объявила миссис Тэтчер.

– Вам повезло, – сказал я, доставая с полок два пыльных тома. – Эти книжки вам подойдут?

Я показал ей обложки, названия на которых были написаны на кроличьем языке. Ни я, ни любой другой представитель человеческого рода не мог разобрать эти письмена³. Даже по прошествии пятидесяти пяти лет ни один человек не смог в совершенстве освоить ничего сложнее самых базовых правил кроличьего языка, как устного, так и письменного. Любые попытки людей заговорить на родном языке кроликов обычно вызывали у последних приступ истерического смеха и до сих пор оставались одной из главных тем для острот их комиков, наряду с шутками про уши, размер потомства, широкий этимологический смысл латинского слова *cuniculus* и анекдотами про пьяного кролика, по ошибке вошедшего не в ту норку во время брачного сезона.

– Ух ты! – воскликнула Конни, хватая одну из книг. – «Планета зайцеобразных». Вот это находка.

Я не был большим знатоком «Проекта по адаптации ли-

«Звездный путь». Раскрашенная маска Шетнера использовалась в хорроре «Хеллоуин». (Прим. ред.)

³ Кроличья письменность похожа на подтеки грязи вроде тех, что остаются на крыльце после сильной непогоды. К слову, в кроличьем алфавите всего шесть букв: Н, И, Р, Х, У и Ф. (Здесь и далее без спец. уточнений прим. автора.)

тературы для кроликов» начала восьмидесятых годов, но я точно знал, что из почти сотни книг только на одну был наложен запрет. В пересказе «Планеты обезьян» доминирующей формой жизни на планете стали кролики. А сама книга стала горячей темой для обсуждения среди политиков, но, что важно, не среди самих кроликов. Антикроличья партия Соединенного Королевства, тогда еще только становившаяся на ноги, заявила, что главная сюжетная линия романа «не способствует добрососедским отношениям между людьми и кроликами», и добилась того, чтобы тираж изъяли и уничтожили.

– Наверное, судейские ищейки ее упустили, – сказал я.

– Я прочту ее семье, – улыбнувшись, сказала Конни. – Может, в ней будет над чем подумать.

Кролики редко читали в одиночестве. Они считали чтение книг зрелищным представлением, а не индивидуальным занятием. «Зачем делать что-то в одиночку, если можно поделиться этим с другими?» – говорили они.

– Запрещенная книга? – спросила Невилл Чемберлен, завершившая расстановку книг на полках и вернувшаяся к нам. Она схватила книгу и попыталась ее отобрать, но Конни не ослабила хватку. Так они и встали, обе держась руками и лапами за книгу, перетягивая ее туда-сюда между собой.

– Она стояла на полке, – сказала Конни Кролик. – Значит, ее можно выдавать читателям. Так же и работают библиотеки.

– Вот только *мне* не надо рассказывать, как должна работать библиотека. – Тон Невилла Чемберлена перестал быть любезным, и перед нами оказалась ретроградка миссис Маллет. – Я была библиотечным волонтером, когда ты еще не знала, что такое морковка.

Насмешка была глупой, и они обе это понимали.

– Ух ты, – сказала Конни. – Как вы меня припечатали.

– Сорок пять секунд! – объявила миссис Тэтчер, и передо мной встала дилемма. Если Конни *теперь* была той же Конни, что я знал *тогда*, то она ни за что не примет отказ. А если мы выйдем за рамки дозволенного времени, то попадем под код 4–22: «Нехватка рабочего времени», и превышение будет вычтено из времени открытия следующей библиотеки. Я бросил взгляд в сторону двух надзирателей из Отдела по контролю времени открытия библиотек. Они внимательно смотрели на нас с порога, похожие на стервятников, приметивших раненую зебру.

– Мистер Мейджор, – обратилась ко мне Невилл Чемберлен строгим тоном, каким разговаривали со своими воспитанницами мадамы из женских пансионатов семнадцатого века. – Наша библиотека – особое место, к которому нужно проявлять должное уважение.

– И как же это я проявила неуважение? – спокойно спросила Конни. – Нет, правда, просветите меня.

– Ты еще и *хамшишь* мне, – возмутилась миссис Маллет, оскорбившись от того, что какое-то животное стало ей пере-

чить.

– Ах, простите, – сказала Конни. – Так как же я проявила неуважение к библиотеке... *мэм?*

Внезапно повисла напряженная тишина. Смятение, предвкушение драки, недоумение – кто-то, возможно, испытал все сразу. Я набрал в грудь побольше воздуха. Достаточно возмутить одного Маллета, и возмутятся все они. Я уже не говорю о том, что Маллеты *всегда* находили повод повозмущаться, будь то политика, местные депутаты, социалисты или цена на лук. Когда передачу «Способы подготовки дикорастущей картошки» перенесли с «Би-би-си» на «Четвертый канал», они не умолкали об этом несколько месяцев. Как бы там ни было, я серьезно относился к Библиотекарству и недолюбливал Маллетов... так что не мог упустить шанс позлить их, имея на руках столь обоснованное оправдание. Я выждал секундную паузу и повернулся к Конни.

– У вас есть читательский билет?

– Конечно, – сказала она.

– Тогда можете пройти и оформить выдачу.

– Ну замечательно, – произнесла миссис Маллет, окончательно выходя из образа Невилла Чемберлена. – Мы что, теперь будем выдавать книги всем зайчикам, что заскочат к нам в дверь?

– Мы же в библиотеке, Исадора, – сказал я. – Мы выдаем книги. И в наше время неприлично называть их «зайчиками».

Она издевательски рассмеялась.

– Да ну брось, Питер, это же всего лишь название, слово, ярлык. Вроде «шляпы», или «машины», или «авокадо», или еще чего-нибудь. Оно ничего дурного не значит.

– А как тебе слово «лепориFOBия»? – спросил я. – Оно тоже ничего не значит?

Я почувствовал, что мой выпад задел Исадору. Мне не стоило этого говорить, но, как ни странно, в присутствии Конни мне захотелось покрасоваться. Впрочем, на деле я был прав. Служба по надзору за кроликами рьяно следила за соблюдением принятой терминологии в отношении своих подопечных, и, хотя отношения между Крольнадзором и кроличьим сообществом были натянутыми, мы должны были казаться беспристрастными и непредвзятыми. Даже те, кто называл всю совокупность кроликов «эти кролики», сегодня порицались.

– Двадцать пять секунд! – с растущим беспокойством объявила миссис Тэтчер. – Мистер Мейджор, нам пора уходить.

Прежде чем миссис Маллет успела возразить, я подвел Конни к стойке. Единственный Библиотекарь посмотрела на ее читательский билет, а затем перевела взгляд на Конни.

– Вас зовут Клифффорд Кролик?

– Это билет моего мужа.

– Вот и нарушение! Код 4–20, – восторжествовала миссис Маллет. Оказалось, что она все-таки *учила* мои коды. – «Ненадлежащее использование библиотечной собственно-

сти».

– Я беру книгу своему мужу, – сказала Конни. – Посетители ведь имеют право брать книги для других, верно?

Она обращалась к Единственному Библиотекарю, и та подтвердила свое согласие, опустив печать на читательский билет, а затем на книгу. Потом она передала книгу обратно Конни⁴.

– Десять секунд! – провозгласила миссис Тэтчер, и мы все поспешили к двери. Остальные члены нашего отряда уже ждали снаружи, и, как только дверь захлопнулась и щелкнул замок, миссис Тэтчер и надзиратели из Отдела по контролю сверили секундомеры. На них оставалось всего лишь три секунды.

– Отличная работа, – сказал я, стараясь добавить бодрости в нашу рутину, но рядом со мной уже никого не было, кроме Стэнли Болдуина и миссис Тэтчер. Остальные окружили наших зрителей, в особенности Нормана и Виктора Маллетов. Наверняка всем хотелось узнать, как Маллеты позволили крольчихе проскочить мимо них в библиотеку, и решить, что делать дальше. Я видел, как побагровела шея Нормана и как несколько горожан бросили в мою сторону неприязнен-

⁴ В целях сокращения расходов в библиотеках Херефордшира снова была введена старая карточная система. У каждого посетителя имелся читательский билет. Библиотека забирала его и вкладывала внутрь карточки из каждой одолженной книги. На самих книгах, как и на остававшихся в библиотеке карточках, ставился штамп с крайней датой возврата книги. А читательские билеты хранились в глубоких картотечных ящиках. Но на деле все гораздо проще, чем кажется.

ные взгляды.

Я посмотрел по сторонам в поисках Конни и увидел, что она энергично скачет по улице в сторону Леминстер-роуд. В одной руке она держала библиотечную книгу, а другой прижимала к уху мобильный телефон.

Она меня так и не узнала.

– Откуда в нашем поселке взялась крольчиха? – спросила миссис Тэтчер, проследив за направлением моего взгляда.

– Не знаю.

– Что ж, Питер, сегодня *Блиц* удался, – сказала она, а затем, увидев направившихся к нам Виктора и Нормана Маллетов, заспешила прочь.

– А теперь, – надменно заговорил Норман, искренне веривший в свое моральное превосходство, несмотря на все доказательства обратного, – мы с тобой побеседуем о том, стоит ли пускать зайчиков в библиотеку.

Но он не успел выпустить пар. Ровно в ту же секунду мистер Битон негромко застонал и свалился с ног. Мы вызвали «Скорую», а Ллойд Джордж и миссис Тэтчер начали по очереди делать ему непрямой массаж сердца и искусственное дыхание, но все было тщетно. Позже мы узнали, что у него случился сердечный приступ. Тогда мне в первый и в последний раз пригодился код 2–22: «Неизбежная смерть во время Библиотекарства».

– Говорил же я вам, что ему нехорошо, – сказал Стэнли Болдуин.

Тосты и «Две ноги – хорошо»

Крольнадзор, или «Служба по надзору за кроликами», изначально назывался «Отделом по расследованию кроличьих преступлений». Но такое название сочли слишком агрессивным, и отдел по-тихому переименовали, чем сильно досадили мистеру Сметвику. Он-то хотел, чтобы название давало понять, что люди не потерпят «кроличьего криминала».

– Так мистер Битон просто взял и окочурился? – спросила Пиппа за завтраком в понедельник. Ее не было весь прошлый день и всю ночь, и я не слышал, когда она вернулась, но в этом не было ничего необычного. Я люблю ложиться пораньше, чтобы почитать, а ее спальня находилась на первом этаже. Да и вообще, она могла о себе позаботиться. Порой лучше не знать, ночуют дочери дома или нет. Ей было уже двадцать лет, но все равно. Лучше не знать.

– Ага, – сказал я. – Упал как кегля. Только ему, на минуточку, было восемьдесят восемь лет, так что это было вполне ожидаемо.

Я выглянул из окна кухни и посмотрел на стоявший по соседству Хемлок Тауэрс, где до прошлой субботы на протяжении многих лет проживал мистер Битон. Мы жили в здании, в котором когда-то находились конюшни этого старого

дома, но, в отличие от самого Хемлок Тауэрс, их давно модернизировали, и жить здесь было гораздо приятнее.

– Интересно, кто туда теперь въедет? – задумчиво произнес я. Внушительное здание с башенками было жемчужиной обширной коллекции аккуратных домиков Муч Хемлока. Часть дома была возведена еще в четырнадцатом веке, и поговаривали, что сколы на фасаде были следами шальных мушкетных пуль времен Гражданской войны. Видимо, войска Парламента стреляли не намного точнее имперских штурмовиков из «Звездных войн».

– Кто-нибудь вроде мистера Битона, наверное, – сказала Пиппа. – С мешком денег, иммунитетом к холоду...

– ...и с нездоровым подозрением к современному трубопроводу, – добавил я. – А еще с любовью к мышам и сырости из подвала.

Пиппа улыбнулась и передала мне тост с джемом, а потом налила себе еще одну чашку кофе.

– Я вчера была в гостях у Тоби, – сказала она.

– Понятно.

Мои взаимоотношения с Маллетами, и без того натянутые, стали намного сложнее с тех пор, как Тоби Маллет – младший сын Виктора – начал встречаться с Пиппой. Несмотря на его непростое семейство, Тоби был привлекательным и в целом благовоспитанным молодым человеком, но я так и не смог проникнуться к нему симпатией. На словах он придерживался довольно свободных взглядов, но мне

казалось, что он притворяется ради Пиппы. Ведь я точно знал, что на самом деле его воззрения были близки к взглядам его отца. Когда в нашем поселке собрались ставить мюзикл «Звуки музыки», Тоби больше других просился на роль Рольфа. Всем он говорил, что просто хочет спеть «Шестнадцать, будет семнадцать» вместе с Пиппой, которая играла Лизль, но я, когда у меня бывало дурное настроение, думал, что ему просто хотелось вырядиться в нацистскую форму.

И все-таки, как бы я сам к нему ни относился, Пиппа могла спутаться и с кем похуже. Точнее, раньше она *уже* встречалась с ребятами намного хуже. Однако существовало Правило Общения с Дочерью № 7: не высказывать мнения о ее парнях, если тебя не спрашивают, а если спросили – перестрахуйся и скажи что-нибудь нейтральное.

– Они что-нибудь говорили о кончине мистера Битона? – спросил я.

– Тебя никто не винил, – ответила она. Маллеты часто использовали Пиппу, чтобы передавать мне через нее свои мнения. – Он как минимум пятнадцать раз участвовал в *Блице* и понимал, насколько опасным может быть Скоростное Библиотекарство.

– Надеюсь, все остальные думают так же.

– Кроме нас, мистера Битона никто особенно не любил, – заметила Пиппа. – Ты помнишь, как все возмущались, когда он заявил: «Бедные не такие уж и плохие люди»?

– Да, поэтому-то он мне и нравился, – сказал я, вспомнив

ту историю и усмехнувшись.

– Мне тоже. Но через пару недель его уже забудут. В нашем поселке такого не прощают. Помнишь, когда бабуля Уоткинс склеила ласты? Готова поспорить: в церковь народ пришел лишь для того, чтобы лично убедиться, что она мертва.

Пиппа села за стол и отпила кофе.

– Зато Маллеты сказали пару ласковых слов о том, как ты, по их мнению, чересчур вежливо обошелся с той крольчихой, – прибавила она. – Причем я была рядом, так что они наверняка хотели, чтобы эти слова дошли до тебя.

– Да ну? – сказал я, ждавший чего-нибудь в этом духе.

– Ага. Они сказали что-то насчет того, что всегда терпели твои левацкие взгляды, но если ты начнешь мутить воду и вести себя «столь неоднозначно» по отношению ко всяким нежелательным личностям, то будь готов к последствиям.

Я отвернулся от окна и посмотрел на дочь.

– А ты сама как считаешь, я похож на левака?

Если честно, я сам считал себя центристом. Или просто никем. У меня не было времени на политику.

– По сравнению со всем остальным поселком, – с улыбкой сказала Пиппа, – я бы сказала, ты вообще почти марксист.

Муч Хемлок всегда был рассадником правых убеждений. Так уж сложилось исторически. Когда-то городок отличился тем, что осудил и сжег больше ведьм, чем любой другой город за всю историю Англии. Тридцать одну, причем все

были оболганы, вплоть до зловещей ночи в 1568 году, когда они случайно сожгли настоящую. В течение сорока восьми часов после этого у ее обвинителей выскочили мерзкие черные пустулы, и все они умерли ужасной, мучительной смертью. Судьей тогда был Софония Маллет, но, к несчастью для эволюции, еще *до* своей смерти он успел породить нескольких детей, так что четыре века спустя на свет появились Виктор и Норман. Они старались сохранить семейные традиции, пусть даже пока им никто не разрешал сжигать ведьм.

– Я ведь не мучу воду, правда, Пип? – спросил я.

Она подняла глаза и улыбнулась. В этой улыбке я увидел ее мать. Прошло уже десять лет с тех пор, как она покинула нас, но я до сих пор так и не смог к этому привыкнуть.

– Нет, пап, ты не мутишь воду. А вот Маллеты мутят. Думаю, Виктор решил, что ты был слишком любезен с крольчихой, и теперь кролики решат, будто здесь им рады. А ты ведь знаешь, как Маллеты пекутся о том, чтобы сохранить «культурные основы» нашего поселка.

«Сохранение культурных основ нашего поселка» было одновременно девизом, миссией и священным долгом Маллетов, а также оправданием их радикальных взглядов. Своими речами о «культурных основах» Виктор и Норман на самом деле просто обосновывали свое желание изгнать всех «нежелательных личностей». Причем эта категория была настолько широкой, что в ней приходилось выделять множество подкатегорий, каждая из которых по-своему досаждала

им. И дело вовсе не ограничивалось чужаками или кроликами – они терпеть не могли всех, кого называли «паразитами». Впрочем, этим словом можно было заклеить очень многих, хотя, как ни странно, в эту категорию почему-то не входили все те, кто рано ушел на пенсию. Были и другие группы, к которым они относились с подозрением. Например, к владельцам «Фольксваген Пассат» – «машины напыщенных леваков». А еще прибавьте к ним вегетарианцев, тех, кто ходит в босоножках, мужчин с «чересчур ухоженной» бородой и женщин, которые носили джинсовые комбинезоны, громко разговаривали и имели дерзость считать, что их взгляды кого-то интересуют или – о ужас! – могут оказаться правильными.

– Мне кажется, я разрешил Конни взять ту книжку просто для того, чтобы их позлить, – сказал я.

– За что тебе честь и хвала. – Она помолчала секунду, а затем спросила: – Откуда ты знаешь, как ее зовут?

– А... Ну... Прочитал в читательском билете.

Я придумал достаточно убедительную ложь, хотя и сам не понял, почему вдруг решил скрыть нашу дружбу.

– Наверное, ее полное имя Констанция. Они любят викторианские имена. Косят под персонажей Беатрис Поттер⁵, наверное.

⁵ Очеловеченные кролики, по всеобщему мнению, сильно смахивали на тех, что были описаны в сказках Беатрис Поттер. Никто не знал, почему так вышло, но сами кролики очень полюбили дух, стиль и колорит этих произведений.

Пиппа кивнула, и с улицы до нас донеслись два автомобильных гудка. Салли Ломакс и Пиппа были неразлучны с тех пор, как они впервые встретились в яслях, и стали друг другу ближе сестер. Салли тоже училась в медицинском колледже – правда, на педиатра, а не на менеджера, – и могла подвозить туда Пиппу. Моя дочь допила кофе и взяла свои вещи.

– Я заступилась за тебя перед Маллетами, – сказала она, целуя меня в щеку. – Сказала им, что тебе пришлось проявить такую оскорбительную терпимость исключительно из-за Библиотечных Правил и что ты любишь кроликов не больше их самих.

– Спасибо, – сказал я.

– Увидимся вечером.

И она вышла из дома.

Я убрал со стола, включил посудомойку, ровно в девять взял свой портфель, пиджак, ключи от машины и вышел на улицу. Тоби Маллет уже ждал меня у гаража – мы работали в одном и том же офисе в Херефорде, и я частенько подвозил его. К моему неудовольствию – хотя этого следовало ожидать, – рядом с ним стоял его отец, Виктор Маллет. Все мы вежливо поприветствовали друг друга.

– Доброе утро, – сказал Виктор.

– Доброе утро, – сказал я.

– Доброе утро, – сказал Тоби.

Когда эта наисложнейшая церемония завершилась, Вик-

тор спросил:

– Ты не подбросишь меня до города? А то моя машина сейчас в мастерской – клапаны заржавели.

Я согласился, ведь я не мог *не* согласиться, хотя было очевидно, что Виктору не столько нужно было добраться до Херефорда, сколько хотелось сделать мне выговор за случай с Конни. Мы даже не успели выехать из поселка, когда он заговорил:

– Прости, что вышел из себя у библиотеки, – сказал Виктор. – Еще и благоверная моя обозлилась на тебя из-за этого неблагонадежного члена общества. Ты прав, той крольчихе можно было там находиться.

– Все в порядке, – сказал я, зная, что он обычно так и начинает. Любезность, лесть, притворное дружелюбие, а сразу за ними – попытка добиться своего. Виктор был предсказуем как часы, хотя пользы от него было гораздо меньше. Дальше он наверняка спросит меня, не знаю ли я, что это была за крольчиха.

– Кстати, – сказал он, – а ты не знаешь, что это была за крольчиха?

– Какая крольчиха?

– Та, что пришла в библиотеку.

Я думал о Конни почти все выходные. В универе мы только пили кофе и ходили в кино. Да и виделись всего лишь раз десять. Мы никогда не говорили о том, чтобы начать встречаться, и уж тем более не делали никаких шагов к этому.

Но она оставила у меня неизгладимое впечатление, и я думаю, что, может быть, тоже хоть чуточку впечатлил ее. Когда университет пересмотрел правила приема абитуриентов и задним числом запретил ей посещать занятия, некоторые студенты вышли на демонстрацию. На них набросилась АКРОПАСК – тогда еще не серьезная политическая сила, а всего лишь кучка агитаторов. Антикроличье сообщество попыталось подать документы на различные факультеты от имени восьми коз, четверых земляных червяков и одного пони по имени Дидди. Они утверждали, что раз уж кролики могли учиться, то, по логике, на это были способны и другие животные, причем даже глупые, нечеловеченные. Верховный Суд согласился с их доводами, и Конни вместе со всеми остальными кроликами-студентами были отчислены. Мы с ней даже не попрощались и перестали поддерживать связь. Я подумывал о том, чтобы разыскать ее по базе данных на работе, но так и не сделал этого.

– Она не представилась.

– А раньше ты ее видел?

– Нет... кажется, нет.

– Будет лучше, – сказал Виктор, – если мы будем точно знать, единичное ли это явление или часть какой-то закономерности. Так проще следить за общественным порядком в нашем поселке. Особенно это важно сейчас, когда с недели на неделю к нам приедут судьи из «Спик и Спан». Я не хочу, чтобы с нами произошло то же самое, что случилось в Рос-

се⁶. Там теперь шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на какого-нибудь зайчика, весь город пропах капустой, и ты ни единого слова на английском не услышишь.

– Я на днях зашел в «Паундленд», – прибавил Тоби, – и он был битком набит кроликами. Они только на своем языке и болтали. Клянусь, они нарочно делали вид, что не понимают меня, чтобы я поскорее ушел.

Я ничего не ответил. Да и что тут скажешь? То, что произошло в Россе, не нравилось никому, но все было законно. Уж я-то знал – на работе только об этом и говорили.

– Ты не мог бы сделать для нас несколько запросов, когда доедешь до Крольнадзора? – продолжал Виктор. – Я слышал, что крольчиха говорила, будто берет книгу своему мужу, Клиффорду. Наверняка за пределами кроличьих колоний не так много кроликов с таким именем, которые еще и посещают библиотеки.

– По-моему, это не самое подходящее использование рабочих ресурсов, – сказал я. Мне вовсе не хотелось быть мальчишкой на побегушках у Маллетов. – И потом, мы всего лишь работаем в бухгалтерии. И если крольчиха и ее муж покинули колонию на законных основаниях, то Крольнадзору нет до них никакого дела.

Я скосил глаза на Виктора. Он сверлил меня пустым, немигающим взглядом, что обычно предвещало потерю самообладания.

⁶ Росс-он-Уай, третий по численности населения город Херефордшира.

– Что ж, хорошо, – сказал он. – Мы всегда можем попросить «Две ноги – хорошо» навести справки.

На тот момент в Британии существовало три организации, продвигавшие идеи «превосходства гоминидов». «Две ноги – хорошо» была крупнейшей из них, самой организованной... и самой жестокой. Я сразу догадался, чего добивается Виктор Маллет.

– «Две ноги – хорошо» – самые обыкновенные бандиты, – сказал я. – Не стоит обострять ситуацию.

– Они вовсе не бандиты, а патриоты своего вида, – высокомерным тоном ответил Виктор. – И хотя мы восхищаемся их рвением и политической борьбой, я соглашусь, что иногда им стоит проявлять сдержанность. Стоит потушить одного кролика, и они становятся больше похожи на правых радикалов и лепорифобов⁷, а они ими *не являются*. Нет, они всего лишь реалисты, обоснованно беспокоящиеся за многовидовое общество.

Я вздохнул и сказал:

– Сделаю, что смогу.

Виктор Маллет широко улыбнулся. Ему нравилось добиваться своего, и, когда это случалось, он даже мог недурно изобразить из себя приятного человека. Через полчаса мы добрались до Херефорда, и я высадил Виктора в районе Боблсток.

⁷ Лепорифобы – те, кто боится кроликов, не доверяет им или просто терпеть их не может. Но вы, наверное, и сами уже об этом догадались.

– Всего хорошего, старина! – сказал он, выбравшись из машины. – Тебе и Пиппе стоит как-нибудь зайти к нам на ужин.

Приглашение было неискренним, и я точно так же неискренне ответил, что мы обязательно зайдем.

– Вы уж извините папу, – сказал Тоби, когда мы отъехали и направились дальше в город. – Он всего лишь хочет как лучше для нашего поселка.

– Я уверен, Пол Пот⁸ тоже хотел как лучше для Камбоджи, – ответил я, – но получилось как всегда. *Шучу*, – прибавил я, когда заметил, что Тоби приготовился устроить театр одного оскорбленного актера. С Маллетами часто такое случалось, когда им хоть чуточку перечили.

– Как думаешь, – сказал я, желая сменить тему, – кто заменит Дэниелса?

Дэниелс был сотрудником нашей службы безопасности, причем, пожалуй, самым приятным из всех, что у нас работали. Но его работа была незавидной, а «приятные» люди в Крольнадзоре надолго не задерживались.

– Понятия не имею, – сказал Тоби. – Кто бы это ни был, надеюсь, с ним будет легко работать.

Я припарковался прямоиком у местного отделения Крольнадзора. Он находился в приземистом здании, построенном

⁸ Пол Пот – камбоджийский политический и государственный деятель, лидер движения Красных Кхмеров. Правление Пол Пота, сопровождавшееся массовыми репрессиями и голодом, привело к гибели, по разным оценкам, от 1 до 3 млн человек. (Прим. ред.)

в тридцатые годы в стиле халтурного псевдомодерна и переименованном в Сметвик-центр. Сделал это сам премьер-министр Найджел Сметвик, желавший оставить после себя хоть какое-то наследие, пока в его руках еще было достаточно власти для этого.

Сметвик начал свой подъем по крутой политической лестнице пятнадцать лет назад, став министром кроличьих дел. В те времена АКроПаСК была еще всего лишь партнером по коалиции, и, чтобы отметить собственное повышение, новоиспеченный министр в разы увеличил число запретов для кроликов. Он лично составил «Нормативы регулирования строительства подземных сооружений» и «Закон об обязательном лицензировании овощей с оранжевыми корнеплодами». Естественно, новые законы увеличили число арестов и тюремных заключений кроликов, а Сметвик обвинил во всем этом «растущую кроличью преступность». На этом основании он, как и следовало ожидать, безо всякого зазрения совести увеличил бюджет и штат сотрудников Крольнадзора.

– Ну и ну, – сказал я, заметив у входа в главный офис небольшое сборище людей. – Похоже, «Две ноги – хорошо» опять чем-то недовольны.

Их было всего четверо, и, судя по всему, они собрались здесь не для того, чтобы устроить пикет, а для того, чтобы просто обозначить свое присутствие. Несмотря на то что эта шовинистическая организация нередко бывала замешана в нападениях на кроликов, чаще всего она оказывалась на шаг

впереди закона. Наперекор распространенным стереотипам, ее члены вовсе не были необразованными хулиганами в табуировках и с IQ ниже плинтуса. Напротив, они преимущественно были представителями среднего класса: владельцами мелких магазинов, менеджерами средней руки, фундаменталистами англиканской церкви, безработными скорняками и шапочниками. Были среди них и несколько докторов, адвокатов, а также ярых защитников окружающей среды, считавших, что увеличение популяции кроликов «угрожает разнообразию биологических видов сильнее, чем человечество»⁹.

– Доброе утро, джентльмены, – сказал один из активистов, когда мы прошли мимо. – Пожалуйста, продолжайте все так же неколебимо следовать праведному пути антропоцентризма.

Другой держал в руках плакат, кричавший о том, что скоро откроется «Мегакрольчатник», а третий высказал мнение, что зарплатный потолок для кроликов слишком высок и создает «запредельную нагрузку на промышленность». Мы ничего не ответили, поскольку сотрудникам Крольнадзора запрещалось вступать в подобные шовинистические группировки или водиться с ними. Если честно, Крольнадзор, АКроПаСК и «Двуногие» придерживались почти одних и тех же взглядов, а различие состояло лишь в законности, степе-

⁹ Они частенько вспоминали про остров Маккуори. Можете почитать о нем в Википедии, если найдется свободная минутка.

ни ответственности и вменяемости их действий.

– Простите! – послышался голос из второй группы, поменьше. Они стояли на другой стороне улицы, и до этого момента мы их не видели. – Вы не могли бы обсудить с нами работу Агентства по поддержке кроликов?

Этих активистов было всего двое, и стояли они в ста метрах от Сметвик-центра – по закону они просто не имели права подойти ближе. Человека звали Патрик Финкл, он был основателем АгПоК и на данный момент занимал должность регионального руководителя. Он выглядел зажатым и напуганным, словно все последние двадцать пять лет ждал, когда за ним придут. Я о нем слышал, да и частенько видел, но мы никогда не разговаривали. Это тоже было запрещено.

– Не хотите поговорить о Кроличьем Пути? – спросил второй, хорошо известный в Крольнадзоре кролик по имени Фентон ДГ-6721. Он был высоким, с белоснежной шубкой и пронзительными красными глазами, присущими всем Лабораторным кроликам. В его ушах было с полдюжины дырок от пуль, а одет он был, как обычно, в джинсовый комбинезон. Его благотворительная деятельность говорила о многом, и Фентона могли бы счесть «приемлемым примером успешной интеграции кроликов в человеческое общество», если бы не его стремление публично обсудить кроличьи проблемы с различными высокопоставленными гостями страны. Из-за этого его заклеили «проблемным».

– Фуфло этот твой Кроличий Путь, – крикнул им через

дорогу один из «Двуногих». – Можешь взять свою дрянную религию, веганские заскоки и тупой идеализм и засунуть их себе поглубже под хвостик.

– Что мне всегда нравилось в сторонниках превосходства гоминидов, – непринужденно бросил в ответ Фентон, – так это их красноречивость.

– Мы верим в *исключительность* гоминидов, а не в *превосходство*, – ответил активист, цитируя постановление, согласно которому использовать второе слово стало незаконно, а вот первое было признано приемлемым и точно отражающим действительность, ведь, по сравнению с кроликами, представителей семейства гоминидов на планете было и правда исключительно много. – Почувствуй разницу.

– Та же редька, но под другим соусом, – сказал Фентон. – Что ж, наши устои хотя бы дают нам осознать себя, свое место в биосфере и наши отношения с другими представителями нашего же вида. А как там поживает ваша Декларация прав человека?

Декларация с самого начала была объектом жарких споров между людьми и кроликами, которые с издевкой высмеивали самый восхваляемый из документов, принятых людьми за последние полстолетия. Кроличий Путь основывался не на личных правах, а на личной ответственности, согласно которой каждый индивид был обязан заботиться о других. Кролики считали, что глупо возлагать на каждого обязанность требовать от окружающих, чтобы те уважали их права.

Отвечая на выпад, «Двуногий» разразился тирадой об иерархии приматов и о важности заботы о планете, осуществляемой в виде благородного патернализма¹⁰, ведь такой подход «столь блестяще работал на фабриках викторианской эпохи». Мы не слышали, что ответили Финкл и Фентон, поскольку уже отошли достаточно далеко. Споры, пикеты и полное игнорирование нами обеих сторон было для нас обычным делом.

– Вы видели руки Финкла? – спросил Тоби.

– У него нет больших пальцев, – ответил я. Речь шла о том, что некоторые сторонники кроликов отрубали себе большие пальцы, чтобы показать свою бескомпромиссную и безоговорочную приверженность их делу. – Я слышал, он хранит их дома в банке с уксусом.

Эта скандальная практика вызывала у многих неописуемый ужас и отвращение, но своего Финкл добился и завоевал доверие Большого Совета и всех кроликов. А вот АКРОПаСК, Найджел Сметвик, Министерство кроличьих дел и Крольнадзор относились к нему ровно наоборот и считали мерзким олицетворением опасных взаимоотношений между кроликами и людьми.

– Я однажды показал кучке кроликов-подростков большой палец, – сказал Тоби. – Я тогда еще не понимал, что для

¹⁰ Патернализм – (от *лат.* paternitas – отцовство) система отношений, основанная на покровительстве, опеке и контроле старшими младших (подопечных), а также подчинении младших старшим. (*Прим. ред.*)

них это оскорбление. Они гнались за мной семь миль, пока не догнали.

– Тебе нужно было попытаться сбежать на своей машине.

– Так я и *был* на машине. Они скачут очень быстро, когда этого хотят.

– И что они с тобой сделали? Обсмеяли, обругали и обозвали мерзким человечишкой?

– Нет, просто устроили что-то вроде круглого стола, во время которого посоветовали мне признать недостатки своего вида, а потом рассказали мне об устройстве кроличьего общества. Мол, оно основано не на законах, как мы их понимаем, а на общепринятых нормах и правилах, нарушение которых больше вредит нарушителю, поскольку не дает ему мирно сосуществовать с другими.

– А ты что об этом думаешь? – спросил я, желая понять, не изменились ли взгляды Тоби.

– По-моему, это какой-то высокопарный кроличий бред.

Я отметил, что его взгляды *совсем* не изменились.

Мы вошли в здание через главный вход на Гаол-стрит и показали наши пропуска охраннице. Она прилежно их проверила, как делала каждое утро на протяжении пятнадцати лет для меня и двух для Тоби. Затем внутренние стеклянные двери отворились, и мы прошли мимо оперативников, работавших в просторном опенспейсе на первом этаже. По приблизительным подсчетам, в стране проживало чуть меньше миллиона человекоподобных кроликов, и лишь около ста

тысяч из них имели законное право жить не на специально отведенной им территории. Остальные, согласно принятым законам, должны были оставаться в колониях, а их право на свободное передвижение жестко контролировалось путем выдачи специальных разрешений.

– Вы не знаете, Старший Руководитель сегодня будет на месте? – спросил Тоби.

– Не знаю, – ответил я, – но, если он появится, вести наверняка разлетятся быстро.

– Я его побаиваюсь, – сказал Тоби.

– Я слышал, что его даже Найджел Сметвик побаивается, а его так просто не испугаешь.

Это было чистейшей правдой. Даже самые непримиримые и крикливые лепорифобы в здании считали Старшего Руководителя «чутьочку склонным к бесконтрольной ярости». Впрочем, это не мешало им поддерживать его.

Здесь, в Службе по надзору за кроликами Западного региона, мы отвечали за 150 000 кроликов, проживавших на холме приблизительно в двадцати пяти милях от Росса. Кроличья Колония № 1 представляла собой большой, простирающийся во все стороны лабиринт из туннелей, над которым располагались огороды, прачечные, заводы по производству сэндвичей, вездесущие колл-центры и сборочные цеха¹¹ электроники. И все это было огорожено противокро-

¹¹ На таких заводах все производилось из деталей размером не меньше игрушечных шариков. Когда у работника нет больших пальцев, о ловкости рук не

личьей изгородью, призванной, по заявлению Крольнадзора, «оберегать беззащитных кроликов от опасных сторонников превосходства гоминидов».

Мы прошли по соединительному коридору в более новую часть здания и очутились в нашем просторном и безупречно чистом офисе. Его стены были выкрашены в успокаивающий зеленый цвет, вокруг стояли растения в горшках, и рядом висел большой постер в рамке, на котором была изображена гора в Новой Зеландии, отражающаяся в озере. Постер должен был «мотивировать», но я не видел в нем ничего, кроме горы и озера. Несмотря на большие окна, в офисе было душновато и немного темно. Окна не открывались и были затонированы так, чтобы нас не видели снаружи. Поговаривали, что они пуленепробиваемые – их устанавливали в то время, когда люди еще верили, что кролики способны на массовые силовые акции.

Агент Куницын еще не прибыл, но заведующая сектором Флемминг уже сидела в своем кабинете – одной из двух огороженных стеклом комнат. Из них просматривался весь остальной офис, но при необходимости Флемминг и агент Куницын могли в них уединиться. Сюзан Флемминг была улыбчивой и хорошенькой, из-за чего казалась намного более приятной личностью, чем была на самом деле. Из-за своих резких взглядов, веры в превосходство гоминидов, полного отсутствия любознательности и моральной отморозен-

ности она почти идеально подходила для долгой и успешной карьеры в сфере надзора за кроликами. На стене ее кабинета висела не фотография семьи, а ее собственное фото с премьер-министром Найджелом Сметвиком и Старшим Руководителем. Скорее всего, снимок сделали, когда Флемминг повысили до заведующей сектором. Но, несмотря на свою миловидность, лицо Флемминг всегда было бесстрастным, а ее единственный глаз – она никогда не рассказывала, как потеряла второй, – почти не моргал и не двигался. Вместо этого она, чтобы смотреть по сторонам, поворачивала голову, чем напоминала мне неумело управляемую марионетку.

– Доброе утро, мистер Нокс, – сказала она.

– Доброе утро, мэм.

– Сегодня вы работаете в Оперативном отделе, – без предисловий сказала она. – Наш новый безопасник принес с собой одно текущее дело. Он все выходные разрабатывал его вместе с Куницыным, так что не разочаруйте.

Мне это совсем не понравилось.

– У меня отвод от Оперативного отдела. Плоскостопие.

Я немного качнулся вперед-назад, как бы подтверждая сказанное.

– Чушь, – сказала Флемминг.

– Нет, правда. Справку выдавал наш штатный врач.

– Я сказала «чушь» не потому, что у вас нет справки, – пояснила Флемминг. – А потому, что плоскостопие – это полнейшая чушь. Слушайте, у Тоби недостаточно опыта и зна-

ний, а все остальные уже заняты. Крольнадзору нужны толковые опознаватели, способные работать в полевых условиях, а не сидеть сутки напролет в четырех стенах.

— Да, но...

— ...вам нужно проявить инициативу, Нокс. Некоторые из нас считают, что ваше рвение к работе начинает угасать. Если вы не начнете действовать, то мы можем решить, что нужно провести проверку эффективности вашей работы.

— Я ее проходил меньше двух месяцев назад.

— Я говорю о более *тщательной* проверке, которую проведет лично Старший Руководитель.

Она постучала своими длинными ноготочками по столу и склонила голову набок.

А вот это было уже серьезно. «Проверка эффективности» Старшим Руководителем представляла собой не вежливую беседу о проделанной работе, а скорее продолжительный и очень обидный нецензурный монолог.

— Вы на такое не пойдете.

— Пойду. Он уже сказал, чтобы вы зашли к нему на разговор, если откажетесь работать в Оперативном отделе.

Я почувствовал, как у меня вспотели ладони и скрутило живот. Расстраивать Старшего Руководителя не хотелось никому. Сотрудники старше меня предпочитали увольняться, лишь бы не получить от него выволочку, и смелые мужчины и женщины не раз выходили из его кабинета в состоянии травматического шока от его словесных угроз. Лишь немно-

гие храбрецы осмеливались встретиться с ним взглядом, и я точно знал, что Тоби однажды взял выходной, после того как столкнулся с разозленным Старшим в лифте.

– Я пойду в Оперативный отдел, – сказал я. Мне нужно было проработать еще как минимум десять лет, прежде чем я мог хотя бы *подумать* о пенсии.

– Хорошо, – сказала Флемминг. – Встреча с нашим новым безопасником назначена на полдень. Он пояснит, что вам нужно будет сделать.

Я сел за свой стол и собрался было работать, когда в офис вошел Адриан Куницын.

Из хорошего о нем можно было сказать лишь то, что в удачные дни он почти переставал быть несносным и, в сравнении со Старшим Руководителем и Найджелом Сметвиком, начинал казаться таким же добродушным, как Джули Эндрюс. Он работал в нашем отделе, расследовавшем кроличье мошенничество с использованием персональных данных, куда его переманили из службы безопасности Крольнадзора. Вдобавок у Куницына была полезная черта, позволявшая ему справляться с зачастую напряженной работой в Надзоре: он до глубины души ненавидел кроликов.

– Доброе утро, – сказал Куницын.

Мы тоже поприветствовали его, причем Тоби сделал это куда более радостно, ведь они вместе играли в сквош, или ракетбол, или еще во что-то в этом духе. Куницын был высоким и темным, худым как швабра, с длинными руками и но-

гами, которыми он постоянно шаркал по полу, как какой-нибудь неуклюжий подросток. Его острые черты лица не выражали почти никаких эмоций, а маленькие черные глазки все время бегали по комнате. К тому же через всю его щеку шли два мясистых шрама, заканчивавшиеся на его недоразвитой челюсти. То был след кроличьего укуса, который он получил во время одного неудачного задержания. После Очеловечивания острые зубы кроликов увеличились, а челюсти стали настолько сильными, что разодрать ими чью-либо плоть не составляло труда.

Все считали, что Куницу повезло, раз он отделался всего лишь шрамами.

– Кто-нибудь хочет чашечку чаю? – спросил Куницын, понимавший всю важность офисного этикета.

– Я хочу, – сказал Тоби.

– Пит?

– Не откажусь.

Он жестом спросил то же самое у Флемминг, и она ответила ему, подняв большой палец. Куницын собрался уже было уйти, как вдруг остановился и спросил меня:

– Ты ведь сегодня с нами, в Оперативном?

– Похоже, что так.

– Молодчина.

И он ушел.

– Не повезло, – сказал Тоби. – Но посмотрите на это с другой стороны – у вас здорово получается опознавать кро-

ликов, так что они не станут подвергать вас опасности.

– Может, и так, – сказал я, но не стал вслух говорить о том, что именно меня беспокоило. Работа в Оперативном отделе была опасной. Причем опасность состояла не в угрозе моей жизни, а в том, что я мог увидеть нечто, чего видеть совсем не хотел. Если у меня и был какой-то принцип в работе на Крольнадзор, то звучал он так: «Не высывайся, не отсвечивай и никогда, ни за что не соглашайся работать в Оперативном отделе».

Опознаватели и опознание

Кролики всегда с трудом отличали людей друг от друга. Цвет волос, кожи, одежда, походка, украшения и голос им в этом немного помогали, но чаще всего они просто действовали наугад. А во время исследований восемьдесят два процента кроликов не смогли отличить Брайана Блессид¹² от одетой ему под стать гориллы.

Установление личности отдельных кроликов с самого начала представляло непростую задачу. Сканеры отпечатков пальцев не работали, поскольку подушечки их лап были жесткими и кожистыми, а анализ ДНК оказывался бесполезен, потому что кроличий генофонд был плачевно мал. Взрослых самцов, побывавших в нескольких пистолетных дуэлях, можно было распознать по уникальному расположению дырок от пуль в их ушах. Некоторые даже шутили, что они похожи на IBM-овские перфокарты. Но в большинстве своем подростки, самки и не дравшиеся на дуэлях самцы выглядели почти одинаково. Любого кролика, задержанного полицией или Крольнадзором, – неважно, произошел он от диких или от лабораторных, – нужно было изолировать от других, потому что, как только они оказывались среди се-

¹² Брайан Блессид (родился 9 октября 1936 г.) – английский актер кино, театра, радио и телевидения.

бе подобных, их становилось невозможно отличить друг от друга.

Но далеко не *все* люди были неспособны замечать тонкости кроличьей физиогномики. Тоби, я и другие – никто точно не знал, сколько нас, – обладали генетической аномалией, позволявшей нам различать кроликов почти так же хорошо, как сами кролики различали друг друга. Как вы уже, наверное, догадались, Тоби и я были вовсе не простыми бухгалтерами на службе Крольнадзора. Мы были важной частью его механизма. Официально наши должности назывались так: «Специалист по опознаванию кроликов», но внутри Крольнадзора нас называли просто опознавателями. Как ни странно, эту способность люди находили в себе достаточно поздно. Я сам понял, что у меня есть такой дар, лишь когда обратил внимание на кролика, игравшего вместе с Патриком Стюартом главную роль в спектакле «В ожидании Годо». Я вспомнил, что уже видел его раньше, в 1982 году. Он играл пажа в одной постановке с Лес Деннисом, где тот изображал вдову Твенки. После этого мне также вспомнилась реклама, обещавшая «головокружительные карьерные возможности» всем, кто мог отличать кроликов друг от друга. Я связался с Крольнадзором и прошел у них тест на сравнение кроликов, после чего служба безопасности тщательно проверила мое прошлое, дабы убедиться, что у меня не было «нездорового доброжелательного отношения к кроликам». Так меньше чем за две недели я сменил профессию и из сортировщи-

ка почтовых отправлений (посылок) переквалифицировался в опознавателя Крольнадзора. Если честно, мне не очень-то хотелось работать в Службе по надзору за кроликами, ведь лепорифобом я никогда не был. Но меня подкупил высокий оклад и пенсия в размере последней зарплаты в будущем. И самое важное: эта работа была надежной. Я мог опознавать кроликов до тех пор, пока их нужно было опознавать, то есть, как всем тогда казалось, *вечно*.

Поэтому восемь часов в день, пять дней в неделю, Тоби и я сравнивали фотографии кроликов, которым по какой-то причине понадобилось подтвердить их личность. Причин было множество: устройство на работу, получение водительского удостоверения, задержание, бракосочетание, смерть, заявление о страховом случае, смена места жительства, судебные тяжбы, сбор сведений. Чаще всего проблем не возникало, поскольку кролики либо знали, что мы их отслеживаем, и поэтому не пытались подменить свои личные данные, либо просто были честны по природе своей. Однако иногда нам попадался кролик, пытавшийся притвориться каким-нибудь другим ушастым. Между собой опознаватели называли таких *Миффи*.

Я вошел в систему и начал работу. Передо мной начали парами возникать изображения под заголовками «Сравнить» и «Оригинал». Я вводил вероятность того, что это был один и тот же кролик: сто процентов в случае, если я в этом уверен, ноль – если это точно разные кролики, ну и проме-

жуточные значения в случае сомнения. У меня это хорошо получалось. Сейчас я мог опознать Миффи с точностью в девяносто два процента, а когда начинал – всего лишь в шестьдесят шесть процентов. Но никакой точной науки в этом не было. Всякий кролик, получавший менее семидесяти пяти процентов, отправлялся к другим опознавателям, а потом все оценки обрабатывались алгоритмом, который и выносил итоговый вердикт¹³.

– А вот и чай, – сказал Куницын, вернувшийся с кружками. – Внимательно смотрите в свои мониторы, ребята, мы перехватили множество разговоров, где упоминается Ниффер. И хотя мы понятия не имеем, о чем речь, судя по возрастающей интенсивности передвижений, творится что-то неладное. Будьте бдительны.

Мы приняли его сведения – и кружки с чаем, – а затем продолжили свою работу, которая, хоть и казалась простой, вовсе не была *такой уж* элементарной. Восемнадцать очеловечившихся в самом начале кроликов можно было строго разделить на три группы: Дикие, Лабораторные и Домашние. Проще всего опознавались Домашние, у которых имелись различные отметины, заметные даже простому обывателю. Различить коричневых Диких было намного труднее, а Лабораторных – совсем сложно, поскольку их мех всегда был белым, а глаза – красными. Я даже пробовал сравнивать

¹³ Алгоритм иногда чуточку менялся в зависимости от того, выполняли мы план по задержаниям и приговорам или нет.

рисунок вен на ушах Лабораторных кроликов, и этот сторонний проект на протяжении последних семи лет завоевывал мне ежегодную награду «За надлежащее отношение к работе», а также редкое доброе слово от Старшего Руководителя. Несмотря на все плюсы, у «метода опознавания по ушным сосудам» был один существенный недостаток – уши кролика должны были просвечиваться лампой сзади, а такие фотографии к нам практически никогда не поступали.

– Вот же зараза, – сказал Тоби, словно услышав мои мысли. – Этих Лабораторных фиг различишь.

Мы продолжали работать и целый час лишь подтверждали полное сходство. Затем появилось несколько с вероятностью в районе пятидесяти процентов. Лишь около половины двенадцатого мне попался первый за день Миффи.

– Бинго, – сказал я, глядя на две фотографии, почти наверняка изображавшие двух разных кроликов. – Один Домашний заявляет, что он – Рэндольф де Ежевичный, проживающий в Берике.

Всего в момент Очеловечивания разумными стали три Домашних кролика – домашние питомцы, которых звали Геракл, Ежевичка и Лютик. Лишь у двух последних еще оставались прямые потомки. Семейство Гераклидов вымерло во время Великого обмена нелюбезностями с династиями Домашних¹⁴, произошедшего в 1980–88 годах, и, хотя несколь-

¹⁴ Почти что настоящая война среди кроликов, наивысшей точкой которой стала четырнадцатичасовая «беспардонная» тирада Антона фон Гераклида, которая

ко сотен кроликов и обладали характерной для этой семьи черной шубкой – полностью или отчасти, – ни один из них больше не носил эту фамилию. Де Ежевичные одержали победу в борьбе между знатными семьями, но всеобщей любви им это не принесло. Дикие и Лабораторные члены кроличьего сообщества с подозрением относились к большинству Домашних, говоря, что в прошлом они были слишком близки к людям.

Белоснежные Мак-Лютиковые, в свою очередь, обычно держались сами по себе, и их это устраивало.

Я поставил своему Миффи четыре процента. Флемминг спросила Тоби, согласен ли он – а он был согласен, – подписала ордер, и Куницын взялся за телефон, чтобы отдать приказ об аресте кролика на основании подделки документов, удостоверяющих личность. Куницын уже много раз делал это, основываясь на моих показаниях, так что последствия ареста, которого я не видел, и всего, что за ним следовало, меня уже не сильно волновали. В первый месяц я еще переживал, но теперь – нет. Кролики тоже могли быть преступниками.

Когда суматоха закончилась, Флемминг вернулась к себе в кабинет, и Куницын занялся оформлением документов – а их было много. Я устроил себе перерыв и, движимый собственным любопытством и мыслями о Конни, а не просьбой

была встречена залпом саркастических комментариев, о которых говорят по сей день, и обычно вполголоса.

Виктора Маллета, ввел в базу данных Крольнадзора запрос: «Клиффорд Кролик». Система выдала две тысячи результатов, и я сузил поиск до тех, кто проживал вне колонии в Херефордшире. Тогда совпадений осталось лишь три: один был не женат, второй в данный момент отбывал срок за «незаконную торговлю инсайдерской информацией о залоговых морковных облигациях»¹⁵, а третий проживал в Леминстере по временному адресу для кроликов, законно покинувших колонию. Я выяснил, что этот последний кролик уже почти год был женат, и, наконец, нашел ее – Констанцию Грейс Иоланту¹⁶ Кролик. Чтобы перепроверить и убедиться, что это действительно она, я запросил ее фотографию в базе данных Агентства по трудоустройству кроликов.

Читая дальше, я узнал, что она была на два года старше меня и принадлежала ко второму поколению после Очеловечивания. Для того чтобы достичь ограничения, установленного кроличьей демографической политикой, – десять детей на семью, – ей не хватало целых восьми отпрысков. А еще она дважды становилась вдовой, что было довольно обычным делом – обычай взрослых самцов драться на дуэлях перед брачным сезоном нередко заканчивался их гибелью.

– Что это у тебя там? – спросил Куницын, глядя на меня со

¹⁵ Вот здесь я и сам не в курсе, о чем речь.

¹⁶ Кролики обожали оперы Гилберта и Салливана, хотя сами не очень-то умели петь. Лишь немногие могли хотя бы *попытаться* исполнить что-нибудь из «Микадо».

своего места. Я объяснил, что в нашем поселке объявилась крольчиха, и я хотел узнать, кто она.

– Что за поселок? – спросил он.

– Муч Хемлок.

Он хмыкнул.

– Политика сосуществования видов никогда не работала. Разные интересы, понимаешь ли. И я вовсе не лепорифоб, когда я говорю, что им не нравится интеграция, – это факт. У нее были приводы, на которые можно сослаться, чтобы ее выселить?

– Она не живет в поселке, – сказал я и, чтобы оправдать свой интерес к ней, добавил: – Я просто хотел убедиться, что она не из этих... ну вы знаете, не из кроличьих разведчиков.

– Мудрое решение, – сказал Куницын, согласно кивая. – С кроликами всегда нужно держать ухо востро. – Он посмотрел на свои наручные часы. – Нам пора на вводную, Нокс. Тоби, сегодня отработаешь два часа сверхурочных, чтобы выполнить план Питера.

– Хорошо, – радостно ответил Тоби. Благодаря профсоюзу опознавателей, нам платили двойную ставку за сверхурочные и щедро возмещали дни, когда приходилось работать без перерыва на обед.

– Флемминг сказала, что ты не очень-то хотел идти в Оперативный отдел, – сказал Куницын, когда мы стали спускаться по лестнице к залу совещаний. – Даже какую-то липовую справку у медиков выпросил. В чем дело-то?

Куницын, как и Флемминг, говорил то, что думал.

– Я работал с оперативниками в ту ночь, когда мы неправильно опознали Дилана Кролика, – сказал я, пытаюсь получить от него хоть капельку сочувствия. – Это было два года назад. Последнее дело Старшего Руководителя перед его повышением.

– Да, с Диланом Кроликом действительно нехорошо получилось, – задумчиво сказал Куницын, наверняка думая об имидже наших органов, а не о Дилане, которого в итоге потушили. – Но если мы хотим поддерживать высокую эффективность Надзора, то небольшой сопутствующий ущерб будет всегда. Это неизбежно. Кроме того, Дилан Кролик наверняка был *хоть в чем-нибудь* виноват... или впутался бы во что-нибудь со временем.

– Газеты только об этом и говорили, – сказал я.

– Нет, – ответил Куницын. – «Ехидный левак» и «В свете фар»¹⁷ только об этом и говорили. Остальные едва упомянули тот инцидент. И потом, не ты был главным опознавателем в том деле. Против тебя даже обвинений не выдвинули.

Так и было. Я не участвовал в деле и нужен был лишь для того, чтобы подтвердить личность кролика. После неудачи разразился такой громкий скандал, что Сметвику пришлось отвечать за него перед Парламентом, а Крольнадзор обяза-

¹⁷ Самая популярная (и политически заряженная) ежедневная газета для кроликов. У нее нет интернет-издания, а распространение вне колоний запрещено из-за того, что «ее чернила не соответствуют стандартам индустрии».

ли «тщательно разобрать и пересмотреть критерии опознавания». Впрочем, до нас дошла лишь единственная служебная записка, в которой нас просили «в ближайшие несколько месяцев повнимательнее относиться к процессу опознавания». Но дело было в другом. Я *знал*, что во время автомобильной погони мы взяли не того кролика, и я сказал об этом, но мой протест был отклонен. Меня не послушал не только главный опознаватель, уволившийся сразу же после того, как общественность узнала об ошибке, но и Старший Руководитель, пригрозивший «вышибить мне мозги к чертовой матери», если я не соглашусь подтвердить опознание. И я согласился.

– Опознание – это всегда та еще головная боль, – сказал Куницын, открывая дверь в комнату совещаний. – И пока Агентство по поддержке кроликов, Большой Кроличий Совет и все остальные мохнато-либеральные оппозиционеры не согласятся ввести RFI-чипирование или небольшие татуировки в виде штрихкодов на ушах, нам и дальше придется полагаться на опознавателей. А они всего лишь люди и могут совершать ошибки. И потом, – добавил он, – если бы эти зайцы подколодные не пытались время от времени обойти систему, ничего такого бы не случилось. Так что они сами виноваты.

Когда мы вошли, Флемминг уже была на месте и мило беседовала с пятью оперуполномоченными. Я знал их всех в лицо, но по именам только троих. Опознаватели счита-

ли оперов воинственными отморозками, отличавшимися от бандитов из «Две ноги – хорошо» лишь офицерским значком и адвокатом от профсоюза. А сами опера считали опознавателей бесхарактерными трусами, лишь из-за своего везения получавшими чересчур высокую зарплату.

По указанию Куницына они все представились мне и вели себя вежливо, хотя я все равно видел – им не нравится, что меня включили в команду. Ведь я избегал Оперативного отдела не только из-за своего плоскостопия. Если вы собираетесь стать частью политически мотивированной группы, то вам нужны общая цель, согласие и *взаимопонимание*.

Наш новый сотрудник службы безопасности уже был здесь, но *такого* безопасника наша контора еще никогда не нанимала ни на постоянную службу, ни на временную.

Он был кроликом.

Фадды и Ушастые

Фадд – от имени Элмер Фадд – так кролики обычно уничижительно называли людей. Среди других ругательств были: розовокожий, хомо, бинго, лысый и Руперт. В кроличьем языке имелись и другие оскорбления, чаще всего касающиеся эволюционно невыгодной частоты овуляции и постыдно маленького размера потомства.

Кролик, оказавшийся нашим новым сотрудником службы безопасности, имел слегка изумленный вид, словно еще в семидесятых его напугал свет автомобильных фар, и он до сих пор не отошел от шока. Его белая шубка – неухоженная, со спутавшимися клочьями шерсти, – указывала на его Лабораторное происхождение, а одет он был в украшенную вышивкой жилетку, поверх которой был наброшен длинный плащ, неоднократно залатанный вельветовыми заплатками. Кролики терпеть не могли выбрасывать вещи и частенько носили их до тех пор, пока они не начинали разваливаться.

К моему потрясению, когда кролик снял свой помятый коричневый котелок, на месте, где из его головы должны были торчать длинные уши, я увидел два уже зарубцевавшихся обрубка. Как говорили сами кролики, он был «обрезанным». Собственные сородичи приговорили его к самому суровому наказанию за совершенное им некое, вероятно, чудовищное

преступление и изгнали из кроличьего сообщества. После такого большинство кроликов выбирали достойную смерть, выкапывали себе где-нибудь уединенную норку и оставались там умирать. Но другие, будучи не в состоянии смириться с унижением и утратой, становились отшельниками и бродили по стране, стараясь всеми средствами заслужить прощение. А некоторые, вроде этого кролика, зная, что возненавидеть их еще больше уже невозможно, переходили на другую сторону. Но даже так им все равно приходилось носить бремя своих грехов у всех на виду, каждый день, *вечно*.

«У пустого места больше права называться кроликом, чем у кролика без ушей», – гласила кроличья поговорка.

Один из оперов смотрел на него дольше, чем того позволяла вежливость, и безухий кролик низко и на удивление угрожающе прорычал:

– На что уставился, Фадд?

– Ни на что, – ответил опер.

– Знакомьтесь – агент Дуглас АЙ-002, – сказала Флемминг, с теплотой представляя кролика. Присутствующие тихо ахнули, поняв, кто он такой. – Он перешел к нам из Суиндонского офиса, и за него поручился сам Старший Руководитель. Относитесь к нему так, как относились бы к человеку, – прибавила она, явно пребывая в восторге от того, что на нашей стороне против кроликов будет работать кролик. – У него безупречный послужной список, а его нелюбовь к другим кроликам всем хорошо известна.

Я тоже раньше уже слышал о нем, хотя и никогда не встречал. Все кролики, предавшие свой вид, были обрезанными, но этого было недостаточно. Чтобы заслужить полное доверие, кролики на службе Надзора должны были продемонстрировать свои антикроличьи наклонности, и в этом АЙ-002 снискал себе страшную славу. Поговаривали, что чаще всего он заставлял своих сородичей говорить при помощи молотков. Они у него были разных размеров, от совсем крошечных до массивных гвоздодеров, на все случаи допросной жизни.

– Агент Куницын, – представился Адриан. – Отдел мошенничества с использованием персональных данных. Мы встречались в прошлом году, на семинаре по проведению допросов. Мне очень понравился ваш доклад, тот, где вы подробно изложили свою методику извлечения информации – «засунуть подозреваемого в пыльный мешок и избить его палками».

– Палками для танца Моррис, – поправил его Дуглас. – Это важно. И спасибо. Ваш совместный доклад со Старшим Руководителем о том, что проект «Мегакрольчатник» сэкономит до ста миллионов фунтов в год, объединив все пять колоний в одну, показался мне весьма содержательным и своевременным.

– Благодарю, – сказал Куницын. – Вы очень добры.

– А это Питер Нокс, – сказала Флемминг, жестом подзывая меня. – Наш опознаватель.

Дуглас АЙ-002 с подозрением зыркнул на меня.

– Видел я твое досье, – произнес он после недолгого молчания. – Говорят, ты способный опознаватель, но обремененный излишним чувством справедливости.

– Я считаю, что нам важно действовать осторожно, – с трудом выдавил я. – Чтобы Крольнадзор не выглядел глупо в глазах общества.

Несколько секунд он просто смотрел на меня.

– И все?

– И все.

Он еще немного посверлил меня взглядом, а затем зажал мою ладонь в обе свои лапы. Так выглядело человеко-кроличье приветствие, поскольку пожать кому-то руку без большого пальца было затруднительно.

– Я вас не подведу, мистер АЙ-002.

– Я уж надеюсь, – сказал безухий кролик. – Кстати, можешь называть меня Безухий. Все Фадды так делают.

– Я буду рад обращаться к вам так, как вы пожелаете, – сказал я, пытаюсь проявить любезность.

– А я буду рад, если ты вообще не будешь ко мне обращаться, – ответил Безухий. – Но что-то мне подсказывает, что этому не бывать. Старший Руководитель сказал, чтобы я сразу же докладывал ему, если ты вдруг станешь распускать нюни из-за наших маленьких пушистых друзей.

– Безухий – прямодушный парень, – сказала Флемминг, когда неловкая пауза затянулась. – Агент АЙ-002, позвольте

мне представить вам всех остальных.

– У вас отличные рекомендации, – сказал сержант Боскомб, когда они пожали руки и лапы. – Ваши сородичи вас ненавидят.

– Они мне *не* сородичи, – безразлично ответил Безухий. – Они все у меня отняли, и я им ничего не должен.

– Рад это слышать, – сказал Боскомб и представил ему остальных. Безухий поздоровался со всеми деловито и отстраненно, но больше ни с кем не был резок. Я вдруг с беспокойством осознал, что сегодня меня отправили сюда для того, чтобы проверить. И если к концу дня моя преданность Надзору все еще будет под сомнением, то меня наверняка уволят, даже несмотря на опознавательские способности.

– Присаживайтесь, – сказал Безухий, включая подвешенный к потолку проектор и вытаскивая из своего портфеля коробку с пленочными слайдами. Кролики – все, а не только те, что работали в Надзоре, – терпеть не могли делать презентации в PowerPoint, и не потому, что для этого им приходилось пользоваться неприспособленными для лап клавиатурами и мышками. Нет, все дело было в том, что кролики практично подходили к технологиям. Если какая-то вещь прекрасно работала и не было *необходимости* ее менять, то они продолжали ею пользоваться. В большинстве колоний все еще использовали факс, старые печатные станки и телефонные коммутаторы на ручном управлении. Хотя последние, скорее всего, сохранялись вовсе не из-за технологиче-

ских преимуществ – кролики обожали сплетни, а на ручном коммутаторе подслушивать было так легко, что они просто не могли удержаться.

– Неопознанный Лабораторный кролик, – сказал Безухий, вставляя в проектор первый слайд, – похожий на тысячи таких же. На время операции мы будем называть его Джон Ушастый¹⁸ 7770.

На экране появилось изображение, и мы уставились на ничем не примечательного белого кролика.

– И что он натворил? – спросил один из оперов.

– Дело не в том, что он натворил, – сказал Безухий. – И не в том, что он может натворить. Дело в том, что он знает. Судя по добытой нами информации, где-то в Колонии № 1, всего в двадцати пяти милях от нас, скрывается Банти.

«Банти», которую он упомянул, на самом деле называли «преподобная Банти»¹⁹. Последние десять лет она была духовным лидером кроликов и обладала значительным влиянием. Ее местонахождение тщательно скрывалось из-за того, что однажды Сметвик сказал на публике: «Если бы в наших

¹⁸ «Джон Ушастый» – так обычно называли неопознанного кролика, по тому же принципу, что людей обозначали «Джон Доу». Крольчих, соответственно, называли «Джейн Ушастая». Из-за частого употребления слово «Ушастый» превратилось в жаргонное обозначение кролика с преступными наклонностями или, нередко, вообще любого кролика.

¹⁹ На самом деле ее духовное имя звучало как «Б'аантии», но все, в том числе и кролики, звали ее Банти. Ее имя приблизительно переводилось как «теперь я вижу ясно», что повторяло первую строчку кроличьего гимна, а также песню Джонни Нэша, хотя, скорее всего, эти два произведения не связаны между собой.

руках была Банти, кролики бы сделали все, что мы им сказали». Власти были очень заинтересованы в этой крольчихе, но она постоянно избегала поимки. Как ей это удавалось, оставалось загадкой, поскольку она регулярно перемещалась из колонии в колонию, дабы наставлять кроликов как в духовном, так и кулинарном развитии – а Лаго, Великая Прародительница, ценила домашнюю кухню не меньше духовного благополучия. Что хуже, никто не знал, как она выглядит, и, поскольку Банти всегда читала проповеди в маске, лишь немногие кролики знали ее в лицо. Эта предосторожность была на случай, если какой-нибудь кролик переметнется на сторону Крольнадзора.

– Она обладает пагубным влиянием на кроличье сообщество, – сказала Флемминг, – и Старший Руководитель хочет взять ее под стражу, чтобы более полно установить ее мотивы.

Скорее всего, имелось в виду, что это Сметвик хотел, чтобы ее допросили, но сам премьер-министр старался держаться подальше от столь скандальных событий.

– Мы собираемся взять Банти, когда она будет в колонии? – спросил Боскомб. Ему явно понравилась эта идея, ведь для такого им наверняка пришлось бы задействовать несколько вертолетов, кучу техники, к тому же они получили бы крутые кодовые имена.

– В перспективе, – сказал Куницын. – Но на самом деле до нас дошли лишь *слухи* о том, что она в Колонии № 1, где

пытается найти способ «завершить Круг».

– Что это значит? – спросил Боскомб.

– Мы *считаем*, – сказала Флемминг тоном человека, привыкшего работать с домыслами, а не с фактами, – что это может быть связано с планами кроликов на агрессивное использование своих репродуктивных способностей с целью захватить Соединенное Королевство.

– Да уж, – сказал Куницын. – Сейчас нам как никогда нужен Мегакрольчатник, чтобы запереть их в одном месте и избавиться от дамоклова меча Взрывного Размножения.

Все присутствующие серьезно кивнули. Эта теория давно беспокоила Надзор, но пока у нас практически не было никаких доказательств, чтобы ее поддержать. Кроличий Совет назвал идею Взрывного Размножения «просто смешной», причислив к другим теориям кроличьего заговора вроде желания установить «Всемирный Веганский Порядок», заставить всю страну следовать «Кроличьему Пути» и начать поклоняться Лаго – богине кроликов.

– Дело в том, – продолжала Флемминг, – что общая длина лабиринтов под колонией превышает пятьдесят миль, и нам нужно сократить область поиска. Кроличье Подполье наверняка все время поддерживает связь с Банти, и поэтому нам так важно поймать и допросить этого Ушастого. Если возьмем его, сможем взять и Банти. А если возьмем ее, то прижмем вообще всех кроликов.

После того как мы несколько минут впустую разглядыва-

ли Ушастого, Безухий переключил проектор на другое изображение – на одну из главных улиц Росса.

– Нам известно, что Ушастый 7770 каждый вторник заходит в это почтовое отделение в Росс-он-Уай, чтобы отправить письма в другие колонии. Он пользуется уличным почтовым ящиком и всегда приходит к четырем часам, когда происходит выемка почтовых отправлений, чтобы лично положить письма в почтовый мешок. Это, конечно, не на горячей морковке²⁰ попасться, но я считаю, что Ушастый 7770 ведет себя достаточно подозрительно, чтобы его допросить.

– Лабораторных же фиг расколешь, – пробормотал Боскомб.

Это было действительно так. Еще до Спонтанного Очеловечивания этих кроликов препарировали для экспериментов, так что любое «продолжительное применение грубой силы для давления на подозреваемого» их мало пугало. Именно поэтому любой носитель ценной информации, выходявший за пределы колонии, почти всегда оказывался Лабораторным.

– Я еще не встречал кролика, которого не смог бы переубедить, – зловеще произнес Безухий. Раньше собирать информацию было проще, поскольку кролики тогда были очень доверчивыми, но с годами они поумнели и научились «моргать с пустым выражением лица», отвечая на вопро-

²⁰ Кроличий жаргон, означающий «неопровержимую улику», «бесспорное доказательство» или «закрытый вопрос».

сы правоохранительных органов. И такой подход оказался крайне эффективным. Однако сами кролики знали, как разговаривать других кроликов, особенно если они могли принять грозный вид и были безухими, — а для кроликов это было настолько же мерзко и жутко, как для нас человек с изуродованной половиной лица.

— Итак, — сказал Безухий, переключая проектор на следующий слайд, на котором был подробно изображен его план, — теперь разберем, как будет проходить операция.

Операция была самой обыкновенной — арест на месте. Всегда неожиданный и всегда стремительный. Взятому врасплох кролику было нужно от трех до пяти секунд, чтобы разбежаться и совершить первый прыжок. После этого остановить его мог лишь опер с мощным сетеметом, а это оружие обладало очень невысокой дальностью стрельбы, да и требовало целой команды загонщиков, не дававших кролику отскочить в сторону. В общем, задача почти невыполнимая. Так что Надзор обычно придерживался принципа «бей до первого прыжка».

Пока Безухий рассказывал свой план, остальные внимательно его слушали. Все оперативники должны были переодеться в гражданское и быть готовы наброситься на Ушастого 7770 в тот же миг, когда он оставит письма. Затем кто-то задал вопросы, выслушал ответы, и наконец все сотрудники остались довольны планом. Куницын не мог участвовать, поскольку его было слишком легко узнать, но вот Безухий

собирался пойти с нами и руководить захватом. Правда, он сказал, что замаскируется, и мне стало интересно как. Обычно кролики не могли притвориться никем, кроме кроликов.

– А какова моя роль во всем этом? – спросил я.

– Ты – наш план Б, – ответил Безухий. – *Перед* арестом ты хорошенько рассмотришь Ушастого на тот случай, если ему удастся ускользнуть. Так что потом ты сможешь его опознать.

– Я не могу этого гарантировать, – сказал я. – Он ведь Лабораторный.

Безухий очень недобро на меня посмотрел.

– ...но я постараюсь, – прибавил я.

– Я очень на это надеюсь, – сказал Безухий. – Ради твоего же блага.

Через десять минут инструктаж закончился.

Росс и кролики

«Кроличьим» кроличий язык называли люди, а в их языке он назывался «Нифф» — одно из немногих произносимых слов кроличьего языка. К нашему разочарованию, слово «Нифф» могло также, в зависимости от контекста, означать: «кролик», «жизнь», «целостность», «морковка (прямая)», «тепло», «небо», «храповая отвертка», «самолет», «повозка», «морковка (изогнутая)», «сыр Венслидейл», «игра в классики» и «шестицилиндровый двигатель».

До кроликов в Росс-он-Уай проживало восемь тысяч людей, и только людей. Сегодня его население выросло до двадцати тысяч, причем преимущественно кроликов. Большинство из них жили здесь уже давно и были частью раннего эксперимента по интеграции кроликов и людей, проведенного в семидесятые Крольтрудом. Крольтруд был основан как общественная организация, призванная помогать кроликам с трудоустройством. Но за прошедшие годы организация выросла, заматерела и подмяла под себя *весь* кроличий труд, а сейчас и вовсе стала частью Министерства кроличьих дел.

Эксперимент по интеграции в Россе был невероятно успешным и до сих пор считается золотым стандартом мирного сосуществования видов. Однако, несмотря на это, дальше дело не пошло. АКроПаСК отнеслась к идее интеграции

с презрением, облила проект грязью и подала массу жалоб о том, что «невообразимо распутный образ жизни кроликов наверняка развратит нашу молодежь». Несмотря на отсутствие каких-либо доказательств тому, что молодежи для собственного развращения требовалась чья-то помощь, АКроПаСК смогла добиться того, чтобы к дальнейшей интеграции стали относиться скептически. Когда их затея сработала и планы по интеграции были отменены, партия удивилась этому не меньше общественности. Она воспользовалась этим как основой для продвижения своей антикроличьей повестки. Никто не мог и предположить, что четыре десятилетия спустя эта партия возглавит страну.

– До Росса мы лишь терпели неудачи, – сказал один из официальных представителей АКроПаСК, – а после нас ждал лишь успех.

Несмотря на антикроличий настрой политиков, некогда сонный рыночный городок Росс превратился в оживленный коммерческий центр, где процветали торговля, ремесла, писательское и художественное искусства. Также здесь появились две высшие школы, в которых изучались философия, высокая кухня и экология. Некоторые жители поначалу жаловались на кроликов, но насыщенная ночная жизнь, жизнерадостный настрой новых соседей и, конечно же, новые возможности для торговли, расположили людей к ним. Несмотря на то что кроликам платили мало, они любили быстро тратить заработанное. Особенно хорошо шли дела у баров,

продававших деликатесы из листьев салата, а также у многочисленных овощных магазинов, одного успешного книжного магазина и нескольких кальянных. Кролики собирались там, чтобы обсудить политику, экономику и выведение новых разновидностей морковки, пока их кальяны бурлили и источали ароматы разных сортов кроличьего табака – он делался из щавеля, кошачьей мяты, лопуха, сельдерея или одуванчика. По утрам в кальянных проводились публичные чтения – в той, мимо которой мы проехали, всю неделю читали «Собор Парижской Богоматери».

Крольнадзору было также важно то, что Росс имел статус «открытого города»: открытого для торговли, жительства и – самое важное – для тех, у кого был однодневный пропуск на выход из Колонии № 1, находившейся на востоке в восьми милях от города. Благодаря постановлению местных властей, принятому из самых благих побуждений сорок лет назад, автобусы с кроликами могли перемещаться между колонией и городом безо всяких проверок документов. Это стало своеобразной головной болью для Крольнадзора, поскольку члены запрещенного Кроличьего Подполья теперь могли свободно передвигаться. Ни в одной другой колонии таких свобод не было, поэтому считалось, что Подполье базируется именно в Колонии № 1.

Уже была половина четвертого, и я вместе с Безухим АЙ-002 сидел в его «Кадиллаке Эльдорадо» напротив почты.

– Фадд-Один, где вы сейчас? – спросил Безухий. На глазу

у него была повязка, а на голове – набитый газетами тэм-о-шентер, скрывавший отсутствие у него ушей. Опер с соответствующим позывным доложил, что стоит напротив почты в дверях мастерской, где ремонтировали лампочки. Оперативники заняли позиции по всей округе: кто-то пил желудевый кофе в кафе на улице, кто-то оживленно разговаривал по мобильнику, а кто-то просто спрятался и ждал, готовясь оказаться рядом и наброситься на Ушастого 7770, когда тот появится.

– Вас понял, – сказал Безухий в микрофон, принимая сообщение сержанта Боскомба, что с севера к нам направляется Лабораторный кролик с портфелем в руках. Безухий посмотрел на часы, а затем уточнил у оперативника, преследовавшего почтовый грузовик, время их прибытия. Мы получили ответ, что грузовик прибудет через двадцать минут. Приняв оба доклада, Безухий вытащил из коричневого бумажного пакета морковку и стал громко ею хрустеть.

– Так, значит, вы – АЙ-002? – спросил я, стараясь не обращать внимания на хруст морковки.

– Ага, – ответил Безухий, явно не желая продолжать разговор.

Так как его фамилия состояла из букв и цифр, он явно произошел от трех лабораторных кроликов, попавших под воздействие Очеловечивания. Из-за проводившихся над их предками экспериментов у всех Лабораторных кроликов были проблемы со здоровьем. Исключение составляли потомки

АЙ-002, который, к стыду своих отпрысков, был контрольным подопытным и не подвергался никаким тестам. По этой причине многие АЙ-002 испытывали чувство вины, которое нередко проявлялось в антисоциальном поведении. Вот только этого было недостаточно, чтобы объяснить обрезание ушей. Безухий наверняка совершил какое-то серьезное преступление. Либо совращал крольчих, либо занимался тем же, чем и сейчас. Кролики терпеть не могли коллаборационистов, равно как и тех, кто принуждал других к близости.

Еще пять минут мы сидели молча.

– Меня что, хотят проверить? – спросил я.

– Не знаю, – сказал Безухий, поднимая глаза от кроссворда, который он пытался разгадать. – А тебя надо проверять?

– Я был в составе группы, арестовавшей Дилана Кролика, – сказал я. – Старший Руководитель хотел, чтобы я подтвердил личность кролика, а я засомневался. Мой протест отклонили, но я все-таки оказался *прав*, и потом все пошло к чертям соба...

– Ты мне это сейчас для чего рассказываешь? – спросил Безухий. – А то ты начинаешь очень по-человечески распускать сопли и заниматься саможалением.

– Наверное, ни для чего, – сказал я. – Но из-за того, что я не настоял на своем, ни в чем не повинного кролика потушили, и мне показалось, что это хороший...

– Слушай, – сказал Безухий, – невиновных кроликов не бывает. Просто есть те, кто уже совершили преступление,

и те, кто его совершат. Ты слышал, что сказали Куницын и Флемминг – высока вероятность того, что кролики собираются запустить кампанию по Взрывному Размножению. И тогда менее чем через пять лет кроликов в этой замечательной стране станет в три раза больше, чем Фаддов. Ты хочешь оказаться меньшинством в своей собственной стране?

– Ну конечно же, нет.

– Правильно, – сказал Безухий. – Тогда почему бы тебе не захлопнуть варешку, не провести опознание, которое каким-то чудесным образом поручили именно тебе, и не оставить глобальную стратегию Найджелу Сметвику и Старшему Руководителю?

Я замолчал. АКроПаСК уже лет тридцать раздувал свою любимую теорию заговора о Взрывном Размножении, но если вспомнить, что кролики жили среди нас уже пятьдесят пять лет и едва достигли численности в миллион, то они скорее проявляли «похвальную сдержанность» в своем размножении²¹.

Мой наушник зашипел и включился.

– Ушастый 7770 прибывает через минуту, – послышался голос Боскомба, за которым последовал доклад о том, что почтовый грузовик направился в центр города, чтобы совершить выемку. Безухий заерзал на своем сиденье и внимательно

²¹ Учитывая то, что кролики могут начинать плодиться с трехлетнего возраста, рожать до шести раз в год, а в одном помете у них может рождаться около восьми детишек, то, даже при скромных 15 % детской смертности, кролики могли превзойти по численности людей в Британии всего лишь за четыре года.

установился на дорогу. Я поступил так же, и вскоре из-за угла вышел Лабораторный кролик, направившийся к почтовому ящику. У него, как и у других человекоподобных кроликов, была необычная походка – они ходили прямо и на задних лапах, но шагали до смешного неуверенно и вразвалочку. Кролик держал кожаный портфель, прикованный к его запястью, и был одет в удобную твидовую охотничью куртку поверх клетчатой рубашки с галстуком. Промеж его ушей примостился такой же плоский берет, небрежно сдвинутый набекрень.

– Узнаешь его? – спросил Безухий.

– Нет.

– Я тоже. Вылезай и подойди к нему поближе.

Несмотря на то что опознавать Лабораторных кроликов было труднее всего, вблизи это частенько становилось проще благодаря морщинкам на носу, отметинам на радужке глаза, расположению усов. А если бы мне удалось встать против солнца, то я смог бы разглядеть сосуды в его ушах, чтобы потом сравнить. Но для этого мне было нужно чуточку везения – в тот день солнце то выходило, то пряталось за облака.

Я перебросил через плечо кожаную сумку и нацепил на голову берет. Поскольку кролики различали людей с таким же трудом, с каким обычный человек различал кроликов, они старались запоминать одежду и манеру двигаться и общаться. Поэтому агенты Крольнадзора либо старались изобразить неуклюжую походку, либо, чаще всего, одевались под

стать региональным или культурным стереотипам. Я решил притвориться йоркширцем и на ближайшие полчаса стать Эриком Альтвейтом, рабочим из Харрогита.

Я выбрался из машины, взял под мышку живого уиппета, чтобы завершить свой образ, и, зажав в руке несколько открыток, уверенно перешел дорогу, говоря случайным прохожим, что я из Йоркшира²². Ушастый 7770 уже ждал у почтового ящика, и я брел среди пешеходов – почти все они были кроликами, – которые либо неторопливо прогуливались, либо шли, либо бежали вприпрыжку по улице. Я, пожалуй, никогда прежде так не нервничал, но понимал, что не мог себя выдать. Моя будущая карьера и платежеспособность зависели целиком и полностью от меня. Я должен был сделать все правильно.

Подошел я вовремя, поскольку по улице к нам уже направлялся ярко-красный почтовый грузовик. Если Ушастый 7770 и нервничал, он этого не показывал. Он не смотрел на часы, не оборачивался, чтобы посмотреть на приближающийся грузовик, да и вообще, казалось, ничего не делал. Просто непринужденно стоял с пустым выражением лица, подергивая носом. Что досадно, у него не было никаких приметных черт, по которым я мог бы опознать его, если увижу снова. Так что я подошел поближе и купил в автомате несколько марок, а затем невозмутимо наклеил их на открытки. В тот же миг солнце вышло из-за облаков, и я повернулся, чтобы

²² Йоркширцы и правда так делают.

посмотреть на Ушастого, надеясь, что мне наконец повезло. Увы, между солнцем и Лабораторным кроликом встал почтовый грузовик. Пока кролик оставался на месте, я не мог разглядеть сеть тончайших сосудов в его ушах. Я ощущал присутствие рядом и других агентов под личинами Деревенского Простака, Перламутрового Короля и Шотландца. Они были готовы схватить его в тот же миг, когда почтальон откроет ящик и Ушастый передаст ему свою сумку с письмами. Но, пока я смотрел, случилось кое-что необычное. Из ниоткуда появились *еще три* Лабораторных кролика похожего роста и телосложения, одетые точно так же и с точно такими же портфелями, пристегнутыми к их запястьям. План Безухого провалился, Кроличье Подполье решило перестраховаться. Вероятно, они знали, что обычно арест совершают три опера, так что даже если они *смогут* схватить троих кроликов, то наверняка упустят четвертого. И все кролики были Лабораторными, чтобы запутать вероятных опознавателей.

В моем наушнике слышалась ругань Безухого, а затем он приказал:

– Хватайте их. Хватайте всех.

Оперативники бросились арестовывать Лабораторных. Если бы кролики решили сопротивляться, то исход захвата был бы совершенно иным, поскольку одного удара задней лапой было достаточно, чтобы переломать человеку кости, разорвать внутренние органы и запустить несчастного в витрину магазина, а прицельный укус мог и вовсе оказаться

смертельным, если жертва успевала истечь кровью.

Но ничего такого не произошло, ведь кролики гораздо лучше людей осознавали последствия своих действий. Когда оперативники приказали им «Стоять! Не двигаться!», Лабораторные захихикали, перемешались друг с дружкой, чтобы запутать нас, а затем разбежались в разные стороны, словно хотели поиграть с нами в догонялки.

– Нокс, не стой столбом! – раздался у меня в ухе голос Безухого. – Бегом за четвертым!

До этой секунды я стоял, обмерев от неожиданного поворота событий. Все-таки я был всего лишь опознавателем, а не оперативником. Я такими вещами не занимался. Однако я все равно огляделся и заметил четвертого Лабораторного кролика, не спеша шагавшего к старинному зданию городского рынка, стоявшему в начале главной улицы.

– Слушайте, – сказал я в микрофон, прикрывшись тем, что якобы решил потереть рот. – Меня этому не учили. У меня, кажется, даже нет никакого права его арестовывать.

– Идиот, мне не нужно, чтобы ты его арестовывал, – сказал Безухий. – Мне нужно, чтобы ты его хорошо рассмотрел.

Приказ был разумным, и я пошел по улице вслед за кроликом. Я потерял его из виду, когда он свернул направо от здания рынка, а затем, подойдя к книжному магазину «Рос-ситерс»²³, увидел, как он поднимается по ступеням к церков-

²³ Магазин очень хороший и продает кроликам книги по принципу обратного лизинга. Кролики считали бессмысленным покупать что-то, чем ты воспользо-

ному кладбищу. Когда я подошел к кладбищу, то успел заметить, как он исчезает за дверью церкви. Я неторопливо подошел к церкви, остро ощущая, что вокруг меня одни кролики. И хотя они не смотрели в мою сторону, периферическое зрение кроликов было настолько широким, что можно было с уверенностью сказать: если ты видишь кролика, значит, и он видит тебя.

Я остановился, чтобы привязать уиппета у входа и, воспользовавшись возможностью, прошептал в микрофон:

– Подозреваемый Ушастый зашел в церковь, но там может быть ловушка. Возможно, они все это подстроили, чтобы схватить опознавателя.

А такое тоже могло быть. Именно поэтому опознавателям запрещалось посещать колонии, хотя мои личные данные и должность в Крольнадзоре были засекречены, а в качестве прикрытия я говорил, что работаю бухгалтером.

– Не имеет значения, – сказал Безухий. – Мне нужно, чтобы к вечеру все эти жирные, мохнатые ублюдки сидели в кутузке.

Я глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, а затем отворил дверь и вошел в церковь. Она была приятного размера – внушительная, но не грандиозная, с двумя нефами и высокими витражными окнами. Священник, что-то напевавший себе под нос, поправлял разложенные на небольшом столике буклеты, открытки и путеводители по городу.

Я посмотрел по сторонам в поисках моей цели. Внутри находились два кролика – один Дикий и один Лабораторный – и на обоих была бледно-голубая накидка вроде тех, что носят церковные волонтеры. Я сначала подумал, что это другой Лабораторный кролик, но затем заметил, что в ризнице на крючке висит точно такая же охотничья куртка, какая была на 7770. Ее явно повесили впопыхах, и она все еще раскачивалась. Я только собирался притвориться, будто рассматриваю старинные гробницы, и подойти к кролику, как мой взгляд вдруг упал на священника.

– Добрый день, – сказал он.

– Добрый день, – сердечно ответил я. – Смотрю, сегодня вам помогают наши пушистые друзья²⁴.

Кроличья религия разрешала им молиться где угодно, когда угодно и кому угодно, однако видеть их в церкви все равно было непривычно. Наверное, потому, что церкви были совсем не похожи на уютные крольчатники, устланные мхом и шерстью.

– Истинно так, – сказал священник. – Двери церкви Святой Марии открыты всем и каждому, независимо от их биологического вида.

Я не мог подобраться ближе к Лабораторному кролику, не отведя от себя подозрения хотя бы коротким разговором, да

²⁴ Так люди – сторонники кроликов называли их между собой. И хотя термин сам по себе окрашен положительно, он мог означать и совершенно обратное. Все зависело от контекста.

и сам кролик, похоже, не спешил никуда уходить.

— У нас дома, в Харрогите, — а я как раз оттуда, из Йоркшира, — совсем нет кроликов, — сказал я. — А что о них думает церковь?

Священник задумчиво качнул головой.

— У церкви нет единого мнения. Несмотря на то что мы, простые священники, считаем кроликов одними из многих благословенных творений Божьих, доктрина церкви гласит, что они — низшие создания. Когда они явились в наш мир, их сочли дьявольским отродьем, грешным плодом связи с сатаной. Когда это было опровергнуто тестами ДНК, наша позиция смягчилась. Думаю, главная проблема состоит в том, что, хотя они *очеловечены*, они на самом деле не *человечны*, и, согласно писанию и учению церкви, человек был сотворен по образу и подобию Бога, а кролики — по образу и подобию их Великой Прародительницы Лаго. Церковь не дает кроликам принимать участие в ее внутренних делах, но мы не изгоняем их из дома Божьего... пока они, конечно, не начинают громко хрустеть капустой и не оставляют за собой какашек.

Он призадумался, а затем выдал следующий пассаж так, словно читал его по шпаргалке:

— Мы обязаны любить *все* творения Божьи, но перемены и их принятие должны происходить медленно, в приемлемом для наших норм и обычаев темпе.

— Понятно, — сказал я и, сославшись на желание посмот-

реть на красивые скульптуры, направился туда, где Лабораторный кролик все еще отряхивал себя от пыли. Если он и знал, что я из Крольнадзора, то не подал виду, и даже кивнул мне, здороваясь. Но я так и не смог найти у него никаких особых примет, ни на шубке, ни в усах, ни в глазах, нигде.

– Будем через пять минут, Нокс, – раздался у меня в ухе голос Безухого. – Подтверди, что подозреваемый все еще в церкви.

Я два раза постучал по микрофону на моем запястье и с деланным интересом уставился на впечатляющий ряд захоронений. Я был рад, что оперативники скоро снимут с меня бремя активных действий. Я хорошо отработал и проявил себя перед начальством. Моя карьера была в безопасности.

Я услышал, как с двух сторон распахнулись двери церкви, и повернулся, думая, что прибыли оперативники. Но внутрь вошли не они, а кролики – *и все они были Лабораторными*. Всего их было девять, и они быстро похватали волонтерские накидки, которые им выдал священник. Через несколько минут они могли безнадежно перемешаться друг с другом. Я посмотрел на нужного нам кролика, и он, безмятежно улыбаясь, посмотрел на меня в ответ. Он *точно* был тем, кто нам нужен, но он вот-вот должен был оказаться в толпе других Лабораторных, и я ни за что не смог бы ни отличить его, ни узнать, кто он такой.

Однако я ошибся. В ту же секунду засияло солнце, его лучи проникли через окно церкви, и пучок белого света оза-

рил Ушастого 7770, отчетливо просветив его уши. Слева, на высоте примерно в две трети от основания уха, я увидел зажимающийся узор из сосудов, похожий на приплюснутую розу Тюдоров.

Не успел я ничего сказать, как новоприбывшие кролики-волонтеры окружили нас. Они, не останавливаясь, двигались, поворачивались и менялись местами, так что я очень быстро запутался, кто из них кто. Я был впечатлен. 7770 оказался умным и проворным, он всегда шел на шаг впереди Безухого. Кроличье Подполье явно существовало, и этот Лабораторный кролик, кем бы он ни был, в нем состоял. И если я увижу его вновь, то точно смогу его опознать.

Если, конечно, в этот миг за ним будет гореть яркий свет.

Грисвольд и сплетни

Поскольку кролики не любили менять устаревшие вещи, они выбирали бытовую технику, которая могла проработать как минимум полвека. В ходу были тостеры «Дуалит», стиральные машины «Хуверматик», винтажные миксеры «Кенвуд Шеф», стационарные телефоны из семидесятых, швейные машины с педалью и крупноформатные камеры. Они обожали сами проявлять свои снимки и считали, что чем старше технология, тем лучше.

– Как дела на работе? – спросила Пиппа, когда я вернулся домой после подведения итогов задания. Даже своей дочери я всегда говорил, что я всего лишь обыкновенный расчетный бухгалтер. Я лишь однажды признался кое-кому, что работаю опознавателем, и последствия были печальными. Повторять такое мне не хотелось.

Поэтому я не мог рассказать ей, что у всех трех арестованных Лабораторных кроликов была правдоподобная легенда и подлинные документы, и нам так и не удалось убедить их изменить показания. Я не мог рассказать ей, что в портфелях у них оказались сэндвичи, девять йо-йо, пакетики клубничного десерта «Энжел Делайт» и кроличья версия журнала «Вог». Я не мог рассказать ей, что Безухий пытался получить у Старшего Руководителя добро на использование «бо-

лее жестких методов допроса», но ему отказали, потому что операция должна была остаться в секрете. Я не мог рассказать ей, что теперь я *один* мог опознать Ушастого 7770; не мог рассказать ей, что завтра я буду разглядывать физиономии всех Лабораторных кроликов, какие только были в нашей базе, пока не найду нужного; и не мог рассказать ей, что задержался на работе, потому что хозяин уиппета поздно за ним вернулся. Мне пришлось час сидеть с ним, пока он трясся и смотрел на меня своими печальными, выпуклыми глазами, похожий на тощую собачью копию Петера Лорре²⁵.

Я мог сказать ей лишь одно:

– На работе... все как обычно. А как твои дела?

– У нас сегодня был однодневный курс под названием «Почему электронные таблицы – это не скучно», так что тоже все ровно.

Затем Пиппа приготовила ужин, и, как и следовало ожидать, к нам заявился Виктор Маллет. Он хотел узнать, выяснил ли я, откуда взялась «эта крольчиха». Я сказал ему, что, судя по всему, она была тут просто проездом.

– Она наверняка что-то затевает, – тяжело вздохнув, сказал Виктор. – Кролики всегда что-нибудь затевают.

– Ты хоть слово правды ему сказал? – спросила Пиппа, когда Виктор ушел.

– Не-а. Она живет в Леминстере со своим третьим мужем.

²⁵ Одна из ныне забытых звезд большого экрана, он играл Ургате в «Касабланке».

Тоби ни слова.

– Как скажешь.

Две последующие недели я все свои рабочие часы посвящал тому, что пытался опознать Джона Ушастого 7770, и по прошествии этого времени, просмотрев лишь тридцать пять процентов имевшихся у нас фотографий Лабораторных самцов, так ничего и не добился.

– Может быть, 7770 даже нет у нас в базе, – говорила Флемминг, желавшая, чтобы я поскорее вернулся к своим обычным обязанностям. Однако Безухий обратился к Старшему Руководителю, и мне пришлось продолжить разглядывать кроличьи морды, отвергая лишь те фотографии, где я как минимум на семьдесят шесть процентов был уверен, что это не он. Безухий, обведенный вокруг пальца своими же сородичами, воспринял это как личное оскорбление, особенно после того, как кто-то, чтобы окончательно раздражить его, привязал на задний бампер его «Эльдорадо» два длинных серых чулка. Шутник явно намекал на его отрезанные уши и высмеивал попытку замаскироваться, хотя лично мне казалось, что глазная повязка и тэм-о-шентер выглядели настолько ненамеченными и странными, что никак не могли броситься в глаза.

В те выходные во время *Блицкнига* мы почтили мистера Битона двадцатисекундным молчанием, достойным памяти надежного члена нашей команды. Пока мы библиотечарствовали, Норман и Виктор Маллет с предвкушением ожи-

дали возвращения Конни, но она так и не появилась. Поэтому братья решили, что я прав и она была в городке всего лишь проездом.

Еще одну неделю я безуспешно искал хоть что-то похожее на приплюснутую розу Тюдоров в ушных сосудах кроликов. Тем временем из Хемлок Тауэрс вывезли пожитки мистера Битона. Все хорошие вещи разобрали его ближайшие родственники, а книги были проданы в магазин «Эдди-манс Букс» в Хэй-он-Уай. В оставшихся никчемных безделушках покопались его дальние родственники, надеявшиеся найти там что-нибудь ценное, а его проект по производству МДФ, тщательно разрабатываемый на протяжении двадцати лет, выбросили в контейнер и, по иронии судьбы, увезли, чтобы переработать в МДФ.

После этого Хемлок Тауэрс опустел, и скоро соседи начали судачить, кто же туда въедет. Несколько раз они брали ложный след: говорили об аргентинской парочке, скрывающейся от полиции; о мужчине, похожем на Рика Эстли; о фотографе из National Geographics; об адвокате, осужденном за присвоение чужих денег; об акробате-пенсионере; о мужчине, похожем на Рика Эстли, а на самом деле оказавшемся Риком Эстли; и об еще одном фотографе из National Geographics, который каким-то чудом оказался никак не связан с первым. Однако все эти ожидания не оправдались, и лишь через две недели я услышал о новых жильцах от миссис Грисвольд. Когда она не изображала из себя невероят-

но невыразительную копию Стэнли Болдуина, она заведовала небольшим магазинчиком, почтовым отделением, а также городскими сплетнями. Однако она никогда не расставалась с добытой тяжким и умелым трудом информацией просто так, а меняла ее по ее же установленному специальному курсу. Положив на ее алтарь пересудов какую-нибудь очень интересную сплетню, вы на многие недели оставались в ее милости, но устаревшие слухи не ценились вообще. К счастью, я-то как раз был в милости – мне довелось подслушать подробности завещания мистера Битона. Судя по всему, его домохозяйка миссис Сильвер должна была получить немалые деньги, а это наводило на подозрения. Вероятно, ее многолетняя работа заключалась не только в том, чтобы вытирать пыль и подогревать мистеру Битону молоко.

Когда миссис Грисвольд получила эту информацию, переварила ее, вдоволь поохала и мысленно убрала в архив, она поманила меня к себе и прямо прошипела:

– *Они идут!*

Я выглянул в окно, чтобы посмотреть, нет ли там какой-нибудь сиюминутной угрозы, но улица была пуста. Я решил, что она говорит о чем-то смутном и неосязаемом, а по моему, ничего страшнее и быть не могло.

– Кто?

– *Они*, – добавила она, ничего этим не прояснив.

– Веганы?

– Нет, не веганы, – сказала она, широко выпучив глаза. –

Хуже.

– Иностранцы? – спросил я, взглянув на свежий выпуск газеты «Чистая Правда», главный колумнист которой ежедневно возмущался тем, что немые попрошайки-мигранты отнимали рабочие места у трудолюбивых британских попрошайек.

– Хуже.

– Иностранцы-веганы... да еще и социалисты?

– Нет, – сказала она, понизив голос. – *Кролики!*

Эти слова заставили вздрогнуть мистера Уэйнрайта. Этот человек, взявший на себя тяжкий обет прочитать все выпуски ежемесячника «Чемпионы до мозга костей» за восемнадцать лет и при этом ни разу не заплатить, тихонько пролистывал журналы у стойки.

– Что вы сказали? – спросил он.

– Кролики, – повторила миссис Грисвольд. – В нашем поселке.

Мистер Уэйнрайт выглядел потрясенным и, как мне показалось, слегка напуганным.

– Надеюсь, они будут не из этих современных воинственных кроликов с большевистскими наклонностями, которые только и могут что ввязываться в неприятности из-за своих несбыточных мечтаний о всеобщем равенстве.

Я про себя подумал, что в Муч Хемлоке тепло не приняли бы *никаких* кроликов, даже покладистых и добродушных, живших сами по себе и не плодивших слишком много детей.

– Им официально разрешили жить за пределами колонии, – сказала миссис Грисвольд. – Майор Кролик – военный в отставке. У них двое детей, но я не в курсе, чем занимается миссис Кролик. Честно говоря, я даже не знаю, говорит ли она по-английски – когда они вошли сюда, то болтали на кроличьем.

– И как вам кроличий? – спросил мистер Уэйнрайт.

– Сплошное шушуканье, – сказала миссис Грисвольд. – Сопят, шмыгают, фыркают и всякое такое. А еще много шевелят носом и усами, вот так.

Они оба рассмеялись над тем, как миссис Грисвольд изобразила кролика: сморщенный нос, верхние зубы над нижней губой, руки вместо ушей. Вот только миссис Грисвольд была неправа – все кролики разговаривали на английском, и из-за того, что многие из них работали в колл-центрах, частенько знали дополнительно три или четыре других языка²⁶.

– Я слышала, они собираются въехать в дом мистера Битона, – сказала миссис Понсонби, которая вошла и услышала самый конец разговора. – Такой хороший дом пропадет, хотя кто-то же должен в нем жить. Здравствуй, Питер.

Миссис Понсонби была моей тетушкой и имела странную привычку противоречить самой себе в каждом предложении. Пиппа называла это «проявлением двойственности

²⁶ Кролики с легкостью осваивали языки, как и другие науки – IQ среднестатистического кролика был выше человеческого на двадцать процентов. Возможно, это указывает на то, что Очеловечивание было по природе своей актом сатиры.

нашего вида». Я же считал, что это «просто раздражает».

– Видимо, они где-то раздобыли немало денег, – сказал мистер Уэйнрайт, – раз смогли позволить себе такой дом.

– Даже если и так, то они наверняка спустят все на капусту, – сказала миссис Понсонби, а затем добавила: – Но это их личное дело.

– Кажется, миссис Кролик зовут Констанция, – сказала миссис Грисвольд.

– Что? – спросил я.

– Констанция, – повторила она. – Я еще ни разу не слышала, чтобы крольчиху звали Констанция.

Зато я слышал. Было резонно предположить, что Конни и Констанция – это одна и та же крольчиха, и я вдруг испытал смешанные чувства. С одной стороны, мне было любопытно, ведь после стольких лет я смогу часто видеться с ней. А с другой, меня парализовало от страха – вдруг она узнает, кем я работаю? Однако через несколько секунд мой внутренний конфликт обострился.

– Я слышала, что она вдова того кролика, которого по ошибке потушили «Две ноги – хорошо», – сказала миссис Грисвольд, и я почувствовал, словно в мои жилы впрыснули лед. Я никогда не связывал Конни с тем происшествием. Да и откуда мне было знать? Но правда заключалась в том, что я был отчасти виновен в смерти Дилана Кролика, хотя убило его вовсе не наше ведомство. Крольнадзор выпустил его в течение двадцати четырех часов после задержания, а

еще через пять он был мертв. Активисты из «Две ноги – хорошо» выволокли его из собственного дома посреди ночи и потушили живьем в полуторатонной бочке дешевого жидкого соуса, приправленного лавровым листом, тмином, можжевельником и красным вином. Ошибку обнаружили лишь три месяца спустя, когда кролик, за которым мы на самом деле охотились, умер от миксоматоза. Разразился скандал, когда в новостях по Би-би-си предположили, что Крольнадзор тайно выдал «Две ноги – хорошо» сведения и выпустил кролика лишь для того, чтобы его убили «в назидание другим». Старший Руководитель возмущенно отрицал все обвинения, называя их «еще одной ложью, сфабрикованной пристрастными СМИ, продвигающими кроличью повестку».

Как оказалось, семье Дилана – в которую, как я теперь знал, входила и Конни, – выплатили компенсацию и даже разрешили проживать вне колонии. Как сказал потом Старший Руководитель: «Семья этого несчастного вряд ли могла рассчитывать на лучший исход. Кролик-водопроводчик *никогда* не смог бы купить себе возможность выбраться из колонии». Как бы там ни было, наши с Конни университетские годы были в далеком прошлом, так что она, скорее всего, уже про меня и забыла. В библиотеке же она меня не узнала. Но даже если она меня все-таки вспомнит, то никогда не узнает, что я опознаватель, да к тому же тот, который приложил руку к смерти ее второго мужа.

– Они будут пытаться отдать детей в местную школу? –

спросила миссис Понсонби, а затем добавила: – По-моему, это пустая трата времени... хотя, конечно, всем нужно образование.

– Думаю, для этого они сюда и приехали, – ответила миссис Грисвольд, – чтобы все выяснить. Сколько детей в классе, есть ли в школьном меню веганские блюда и все такое.

– Морковные вредители, которых нужно было придумать, когда они еще только вякнули первое слово, – проворчал мистер Уэйнрайт, совсем переставший фильтровать то, что говорил. Хотя он и раньше не особо-то старался. – Это же неестественно.

Тут он был прав. Спонтанное Очеловечивание действительно было *совершенно* неестественным и беспрецедентным явлением. 12 августа 1965 года ночью в полнолуние неожиданно выпал снег, после чего начался самый жаркий из дней того лета, который закончился жутковатым зеленым закатом. В радиусе шестнадцати миль от места Очеловечивания заржавела вся алюминиевая фольга, а стекло стало блестеть, как нефтяная пленка на воде. Всего за ту ночь очеловечились восемнадцать кроликов. Они изменились, выросли и приобрели человеческие очертания, потянулись, зевнули, а затем попросили стакан воды и морковку, прибавив: «Если вам не трудно, конечно».

Пятьдесят пятая годовщина того события должна была наступить этим летом, но вряд ли кто-нибудь собирался праздновать, и в особенности кролики, у которых Очелове-

чивание вызывало смешанные чувства. Некоторые считали свою человечность благом, другие – несчастьем. Но почти все соглашались: лучше обладать разумом, способным задумываться над собственным существованием, чем не иметь его. И шоколадными эклерами – ими *точно* стоило обладать.

– Что ж, – сказал я, набирая в грудь побольше воздуха и собираясь уходить, – смею заверить, мистер Маллет и его брат уже наверняка организовали комитет по борьбе с ними.

– Ах, эти Маллеты, – с теплотой сказала миссис Грисвольд, опуская глаза и поправляя прическу. – Они всегда *так* заботятся о нашем благополучии.

Пиппа и листовки

«Кроличье Подполье» – так в широком смысле называли всякое тайное кроличье сообщество, занимавшееся организацией протестов. Многие считали, что никакого «Подполья» может и не быть и что его просто выдумало Министерство кроличьих дел, чтобы еще больше очернить кроликов... и обосновать усиленное финансирование Крольнадзора.

– Это та же крольчиха, что нахамила моей драгоценной женошке в библиотеке? – спросил Виктор Маллет, когда я наткнулся на него в баре «Единорог». Он раздавал там плохо отксеренные листовки.

– Похоже, что да.

– Говорил я тебе, что-то с ней неладно. Мы должны посчитать ту книгу, которую она взяла в библиотеке, украденной. Это явно указывает на ее склонность к преступному поведению, а такое нельзя игнорировать. Разве ты не говорил, что она здесь проездом?

– Я так и думал. Между прочим, майор Кролик служил в британской армии, – прибавил я, надеясь умаслить Виктора. Я знал, что он поддерживает наши войска, хотя сам и не служил. – Они оба кажутся мне вполне порядочными кроликами.

– *Естественно*, мы благодарны ему за службу и защиту нашей родины, – сказал мистер Маллет, – и да, возможно, они *сами* окажутся хорошими соседями и внесут положительный вклад в наше сообщество. Все-таки хорошие кролики тоже встречаются. Но ты не видишь всей картины. Стоит выпустить одну семью, как все идет под откос. За ними приходят менее благонадежные кролики, а потом и вовсе уголовники.

– Уголовники? – спросил я. – И что же они будут делать?

– Ну, например, красть библиотечные книги, – сказал он. – Но можешь не сомневаться, – снова напирая, прибавил он, – это все только начало. Дадим дорогу одной семье, и скоро они все окажутся здесь, заполнят школы, попытаются навязать нам свои веганские порядки, подкосить нашу благочестивую и совершенно логичную религию своей развратной, бессмысленной верой, а затем еще лягут невыносимым бременем на нашу и без того слабую инфраструктуру. К тому же, – добавил он, немного подумав, – это может отрицательно сказаться на наших шансах выиграть конкурс «Спик и Спан».

– И когда они здесь укоренятся, – прибавил Норман Маллет, до этого молча сидевший за барной стойкой, – сюда начнут стекаться их друзья и родственники. Скоро в Муч Хемлоке шагу нельзя будет ступить, чтобы не наткнуться на кролика. Цены на жилье упадут, и мы окажемся чужаками в собственном городе. Все будет прямо как в Росс-он-Уай.

– Да, – сказал Виктор, качая головой. – Хуже чумы.

– Вы подумываете о том, чтобы создать петицию? – спросил я, зная, что обычно Маллеты именно так и поступали.

– Уже создали, – радостно ответил он, помахав передо мной одной из листовок, на которой крупными буквами говорилось о «потенциальной катастрофе невообразимого масштаба».

– Будучи сотрудником Службы по надзору за кроликами, – сказал я, пытаясь их хоть немного утихомирить, – я должен заметить, что кролики, получившие разрешение покинуть колонию, имеют право проживать где угодно, и мы получим ворох проблем, если сами нарушим закон. А нападки на вдову кролика, потушенного по ошибке отморозками из «Две ноги – хорошо», точно не понравятся газетчикам, если они об этом узнают.

– Я прекрасно тебя понимаю, Питер, – сказал Маллет, что на самом деле означало: «я бы с тобой не согласился, даже если бы слушал, а я не слушаю», – и я всего лишь хочу проинформировать общественность, – а это на языке Маллетов значило: «я собираюсь поднять бучу и надеюсь, что во всеобщей суматохе смогу добиться своего, но так, чтобы мне за это ничего не было». Он продолжал: – Мы должны всегда оставаться бдительными. И, честно говоря, Питер, я никогда не думал, что ты у нас такой любитель кроликов.

– Вовсе нет, – сказал я. – Я всего лишь хочу тебя предостеречь: не стоит совершать опрометчивых поступков, которые могут плохо отразиться на городе.

– Но есть и хорошие новости, – сказал Норман, который тоже меня не слушал. – Мегакрольчатник будет сдан вовремя, и кролики наконец получают то, что им больше всего нужно: свой собственный уголок. Если повезет, все, кто живет вне колоний, тоже захотят туда переселиться. Я слышал, кто-то назвал это место кроличьим раем. Они там смогут свободно копать норки, растить капусту и... что они еще там любят делать. Думаю, ты согласишься, что переселение кроликов в Уэльс – это лучшее долгосрочное решение кроличьей проблемы. Кроме того, эту инициативу поддержали на референдуме, а затем тщательно обсудили в Палате. Народ изъяснил свою волю.

Вокруг Мегакрольчатника всегда велись споры, но после референдума никто не сомневался, что его построят. И это несмотря на то, что инициатива «Переселения кроликов в Уэльс» была принята с очень небольшим перевесом, а половина страны вообще не голосовала. Участок площадью в десять тысяч акров, расположенный к западу от Рейадера, был почти готов к сдаче, хотя кроликам *совсем* не нравились разговоры о переселении локальных колоний в единый крольчатник. Основываясь на историческом опыте человечества в насильственном переселении народов, их ожидания находились в пределе «низких» и «ниже плинтуса».

– Однако, – сказал Виктор, возвращаясь к вопросу о Хемлок Тауэрс, – есть у нас один козырь: дом старика Битона можно только снимать. Если они туда въедут, то так же легко

смогут и выехать. Я ведь могу положиться на твою поддержку в том, что ты не станешь поддерживать их? Все-таки ты живешь прямо напротив.

– Я возьму листовку, – вежливо ответил я, – но из-за работы в Крольнадзоре мне нужно сохранять нейтралитет.

– Не парень – кремень. Передавай привет Пиппе.

– Передам.

Когда я вернулся домой, Пиппа сидела на кухне. Она читала книжку, одновременно поедая йогурт, переписываясь с кем-то по телефону – скорее всего, с Салли, – и поглядывая на свой iPad, где шел какой-то сериал от Netflix. Когда мне было двадцать, я с трудом мог делать хотя бы *одно* дело. Да и сейчас тоже.

– Привет, пап, – сказала она.

– Как дела? – спросил я.

– Я изучаю жаргон эйчаров и никак не могу решить, какие фразочки мне нравятся меньше всего: «революционный продукт», «онбординг» или «карьерные перспективы».

– Меня всегда раздражал «креативный подход».

– Этот штамп устарел даже для менеджерского сленга, – ответила она, – наряду с «мыслить не по шаблону» и «нам нужен сдвиг парадигмы». В прошлом году их официально запретили. Как прошел твой день?

– Как всегда весело. Слышала новость? В дом напротив въезжают кролики.

– Да, вроде слышала, – сказала Пиппа. – Вот только я бы

на месте кроличьей семьи ни за что не стала бы селиться в поселке, который отправлял солдат сражаться в Гражданской войне в Испании. Причем на стороне генерала Франко.

– Ну не *такой* уж у нас и плохой поселок, – сказал я. – Мне кажется, это все пустые угрозы. Ты думаешь, кто-нибудь из наших местных хотя бы *разговаривал* с кроликом, который бы не работал барменом, уборщиком или раскладчиком товаров?

– Предрассудки лучше идут под соусом невежества, – сказала Пиппа. – Как думаешь, что наш главный шовинист об этом скажет?

Я положил перед ней листовку мистера Маллета, а затем выглянул в окно, чтобы посмотреть на Хемлок Тауэрс.

– Думаю, он поднимет шум и сделает жизнь кроликов настолько невыносимой, что они отсюда сбегут.

– Не нравятся мне его взгляды, но листовки он делает со вкусом, – сказала Пиппа, разглядывая бумажку. – Хорошо, что он почти никогда не уезжает дальше Херефорда. Таких, как он, нужно изолировать.

– Да уж, – сказал я. – С Эболой борются примерно так же. Ты что-нибудь еще слышала о кроликах? А то у миссис Грисвольд не самые полные сведения.

– Мистер Кролик – майор в отставке, а миссис Кролик – актриса, – сказала Пиппа.

– Правда? И где она снималась, я ее видел?

– Ой, не знаю... Кто-то говорил, что в рекламе. А еще у

нее была второстепенная роль в «Криминальном чтиве», но перед выходом фильма эти сцены вырезали.

– Интересно, – сказал я, зная, что раньше Конни нравился театр. Она даже с блеском прошла прослушивание на роль Шелли Левина в университетской постановке «Американцев», но ей отказали из-за того, что режиссер хотел найти кого-нибудь «помужественнее и не такого пушистого».

– И муж у нее *майор*, значит? – прибавил я.

– Ага. Говорят, его чуть не отправили в пекло в Афганистане.

В воскресенье по соседству

Тесты ДНК показали, что очеловеченные кролики вовсе не были каким-то причудливым гибридом человека и кролика, а так и остались, по сути, кроликами. Генетически их никак нельзя было отличить от их неразумных полевых собратьев. Что бы ни дало им их человекообразность, в ДНК этого точно не было.

Семейство Кроликов прибыло в следующее воскресенье под рокот газонокосилок и шелканье садовых ножниц. Все усердно старались привести поселок к чистоте и порядку, на всякий случай – вдруг к нам внезапно заявятся судьи из «Спик и Спан», ведь в среду их видели слонявшимися возле Пембриджа.

Я возился со своим «Остин-Хили» в гараже, когда к Хемлок Тауэрс подъехал «Додж Монако»²⁷ 1974 года. Кролики предпочитали большие американские тачки, поскольку они гораздо лучше подходили к их телосложению и ограниченной ловкости рук. Многоместные сиденья, автоматическая коробка передач, чувствительный гидроусилитель руля и большие педали. А еще кролики берегли свои авто-

²⁷ Тогда я этого не знал, а выяснил позже. Сейчас машина находится в экспозиции музея Очеловечивания рядом с Рейадером. По случайному совпадению, это гражданская модель автомобиля, на котором разъезжали Джейк и Элвуд Блюз.

мобили; они считали, что технику называют «устаревшей» лишь для того, чтобы, задрав нос, оправдать ее отправку в утиль, а такой подход был несовместим с четвертой заповедью их веры – экоустойчивостью. Кроличья поговорка гласила: «Нфифнфиннфиифннфифнфн», что примерно переводится как: «Лишь дурак покупает что-то дважды».

Я поспешил наверх, в дом, чтобы посмотреть на них поверх изгороди. Первыми из машины вышли дети. Я обратил внимание, что они одеты традиционно, но в современную одежду. Мальчишка-кролик в матроске и «Найках» слушал свой кассетный плеер. Он двигался медленно, словно задумчиво или лениво, а на лодыжке у него висел электронный браслет вроде тех, что использует полиция для ограничения свободы передвижения. Девочка-крольчиха, одетая в летнее платье в цветочек, была поживее и одним или двумя радостными прыжками проскакала в дом. Тем временем из машины со стороны водителя вылез ее отец. На нем был пиджак из Харрис Твид и подобранные к нему жилетка, рубашка и галстук. Кролики редко носили одежду ниже пояса, поскольку она сковывала их движения и ограничивала способность прыгать. Это не мешало крольчихам, носившим в качестве повседневной одежды юбки, платья и, если они не собирались прыгать, кюлоты. Но кроликам-мужчинам, которые в одном очень важном отношении были невероятно похожи на людей, приходилось незаметно прикрывать свой срам несколькими слоями исподнего, настолько сложного и

замысловатого, что я не стану описывать его в этой книге²⁸.

Майор Кролик посмотрел на карманные часы, которые он держал в кармашке жилетки, а затем начал вытаскивать чемоданы из багажника автомобиля. В то же время открылась передняя пассажирская дверь, и из машины вышла Конни Кролик. Принюхавшись, она посмотрела по сторонам. Поверх летнего платья в горошек на ней была надета кожаная куртка, а ее уши были свободно обмотаны у основания красной банданой. Что необычно, из-под платья слегка торчал хвостик. У кроликов это было равносильно глубокому декольте женщин-людей. Еще десять лет назад в приличном кроличьем обществе такой вид сочли бы вызывающим, но сегодня он считался почти приемлемым.

Спонтанное Очеловечивание произошло еще до моего рождения, поэтому говорящие крольчихи в летних платьях или кролики за рулем автомобилей никогда не вызывали у меня удивления. Об их появлении в 1965 году сообщили не сразу, решив, что это чей-то хитроумный розыгрыш. Так думали ровно до тех пор, пока в специальном выпуске «Панорамы» на телеканале Би-би-си в прямом эфире Франклин Кролик не побеседовал с Чарльзом Уилером²⁹. После это-

²⁸ Обратитесь к шестой главе фундаментального труда доктора Сэма Инграма «Одежда ниже пояса, скромность и двуногий очеловеченный кролик».

²⁹ В основном разговор шел о морковках, фруктовых пирожных и его любимом музыканте из «Битлз», ведь Франклин тогда был совсем юн. В более поздних интервью он сказал репортерам, что тогда ему стоило сказать что-нибудь более обдуманное и важное.

го все новостные каналы на планете захотели «поговорить с кроликом» и разобраться, как же произошло Очеловечивание, – вопрос, ответ на который ускользает от нас по сей день. Изначальный скептицизм и неверие превратились в любопытство, радость и принятие, а затем быстро покатились по наклонной вниз. Пока решался вопрос о статусе и правах измененных кроликов, их численность росла, вызвав сначала всеобщее недоверие, затем презрение и, наконец, ненависть и страх. Путь от всеобщей радости до неприятия занял менее двадцати лет.

Я вздрогнул, когда у меня зазвонил телефон. Я слишком торопливо схватил его, выронил, поднял и лишь затем уже ответил. Звонил Норман Маллет.

– *Оно уже здесь!* – сказал он, словно объявляя о начале эпидемии бубонной чумы. – Ты их видишь?

– Да, – ответил я, возвращаясь с телефоном к окну. – Двое взрослых, двое детей. – Почему бы тебе не подойти и не поговорить с ними?

– Что? Не говори глупости. Есть шансы, что они приехали всего на пару ночей?

Я выглянул из окна как раз в тот момент, когда в узкий проезд начал задом сдавать большой грузовик с вещами.

– Нет, думаю, они надолго.

На другом конце повисла тишина, а затем раздались приглушенные голоса. Через некоторое время Норман вернулся и с напором заговорил:

– Слушай сюда, Нокс. В прошлом мы во многом не соглашались, но в жизни каждого человека наступает момент, когда он должен сделать решительный шаг, взять на себя ответственность и, стиснув зубы, поступить правильно во благо общества.

– И что же нужно сделать? – спросил я, впечатлившись тем, как он смог ввернуть в одно предложение столько клише.

– Твои возмутительные центристские взгляды хорошо известны, Нокс, так что тебя никогда не заподозрят. Нам нужно, чтобы ты пошел к Кроликам и... поговорил с ними. Войтрись к ним в доверие. Подружись с ними, если это вообще возможно. А когда найдешь подходящий момент, предложи им пять кусков наличными, чтобы они свалили отсюда.

– У миссис Кролик и так много денег, – сказал я. – Крольнадзор выплатил ей компенсацию за то, что слил «Двуногим» адрес ее мужа.

– Ложь и клевета, Нокс. Недоказанная ложь.

В Крольнадзоре все прекрасно знали, что не только это *совершеннейшая* правда, но и то, что совершил это злодеяние сам Старший Руководитель. Он даже хвастался этим на рождественском корпоративе в том же году.

– Я и правда думаю, – медленно произнес я, – что пяти кусков будет недостаточно.

– Кровопийцы, – пробормотал Норман. – Разве эта крольчиха недостаточно высосала из общественного кармана? Хо-

рошо, Нокс, ты умеешь убеждать. Мы можем поднять цену до семи кусков, но ни пенни больше... если только они не откажутся. В таком случае срочно звони мне. Ну так что, ты нам поможешь?

Мне не нужно было долго думать. Если эту проблему и можно было разрешить мирно, то мне наверняка стоило пойти и попытаться это сделать. Но это была не единственная причина, по которой я был не против зайти к Кроликам – я хотел снова увидеть Конни. Если я напому ей о себе, возможно, она меня вспомнит.

– Ладно, – сказал я. – Я дам им полчаса, чтобы устроиться, а потом зайду, поздороваюсь.

– Чудесно, – чуть более дружелюбно сказал Норман. – Потом доложишь мне, как все прошло. Гляди в оба и лучше оставь кошелек и телефон дома. Ты ведь знаешь, какими они бывают.

Я спустился в кухню, вывалил в плетеную корзинку пакет моркови, а затем прикрыл ее клетчатым чайным полотенцем. Подождав тридцать минут, я подошел к их дому и постучал в дверь. Мое сердце колотилось. Через несколько секунд Конни открыла. Она слегка изумленно уставилась на меня и несколько секунд просто смотрела своими большими разноцветными глазами, а затем принялась и перевела взгляд на корзинку. Я заметил, что одно ее ухо – точнее, верхняя треть левого, – было наклонено вперед, и от нее немного пахло теплой, недавно разрытой землей.

– О, – сказала она, робко улыбнувшись, – это что, морковное новоселье? Никогда не видела, чтобы его устраивал человек. Вы и правда попытаетесь спеть песенку Нхфиииххнирфф³⁰?

– Нет, нет, – поспешил сказать я. – Я... ваш сосед. Мы встречались несколько недель назад во время *Блицкнига* в библиотеке.

Она уставилась на меня, повернув голову так, чтобы я видел только один глаз. Кролики всегда так делали, когда внимательно разглядывали человека или какой-нибудь предмет.

– Вообще-то, – негромко сказала она, – мы встречались и *раньше*. Давным-давно. Питер Нокс, верно?

Мне вдруг стало тепло и приятно от того, что она меня вспомнила. А еще я ощутил отголосок того, что чувствовал к ней тогда.

– Здравствуй, Конни, – сказал я, чувствуя, что начал немного дрожать. – Да, это я. Как твои дела?

– О, в целом неплохо, – сказала она, улыбнувшись. – Похоронила двух мужей, родила двоих детей. Работала то тут, то там. Вот как-то так. Правда, так и не закончила вышку. А ты как поживаешь?

– Я вышку получил, но она мне не понадобилась, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал свободно и непринуж-

³⁰ Первый куплет приблизительно переводится так: «Ваш крольчатник – наша норка, / Ваша норка – всем нам дом. / Подарю-ка вам морковку, / Ах, как вкусно, ом-ном-ном, / Хэй, морковка! / Хоу, морковка!»

денно, а не сдавленно и глухо. – Я женился, родилась дочка, потом я вернулся в родной дом, чтобы ухаживать за папой. Какое-то время работал на почте, сейчас вот устроился бухгалтером. В свободное время устраиваю *Блицкниги*. Ну, сама знаешь.

– Я смотрю, живешь в свое удовольствие, – сказала она, приятно улыбаясь. – Ты пришел, чтобы попросить вернуть книгу? Честно говоря, я ее даже не начала читать. Раньше, когда была помоложе, я много читала, а сейчас времени ни на что не хватает.

– Я пришел не за книгой. Просто хотел сказать... добро пожаловать в Муч Хемлок.

– Добро пожаловать? – сказала она, пристально глядя на меня. – Я думала, в этом городке у всех на стене висит портрет Найджела Сметвика.

– У некоторых, *наверное*, – сказал я, – но не у всех.

Несколько секунд я молчал, а затем спросил:

– А «морковное новоселье» *правда* существует?

– О, да, – ответила она, посмеиваясь. – *Совершеннейшая правда*.

– Вот как.

– А как ты меня узнал после библиотеки? – вдруг спросила она, и я почувствовал, что начинаю краснеть. Мне было строго запрещено раскрывать свои способности. Скомпрометированные опознаватели нередко пропадали. И пропадали не в смысле «уходили в запой и возвращались через три

дня», а в смысле «исчезали с концами, и никто не знал, что с ними случилось».

– Твои глаза, – сказал я. – И западный акцент.

– Ах да, – сказала она, моргая, и я почти услышал, как ее длинные ресницы рассекают воздух. – Они и правда довольно приметные, верно?

Несколько секунд мы стояли молча.

– Я *очень* рада, что мы снова встретились, Питер, – сказала она, нарушив тишину и взяв мою ладонь в свои невероятно мягкие лапки. – Нам *столько* нужно друг другу рассказать. А это ты мне принес?

Она указала на корзинку с морковью.

– *Всем* вам, – немного глупо ответил я.

– Как... мило, – неуверенно сказала она. – Нет, правда, не стоило утруждать себя.

Последовала еще одна неловкая пауза. В ту минуту я мог уйти, но у меня было задание. И, признаться, мне было любопытно не только повидаться с Конни. Не каждый день по соседству селятся кролики. Мне нужно было как-то завязать разговор, поэтому я начал с самого очевидного:

– Твои дети пойдут в местную школу?

– Не сразу. Где-то через неделю, – ответила она. Мне показалось, что она тоже была рада столь будничной теме. – Нам нужно поговорить с директрисой, миссис Ломакс, об... особенных требованиях.

Хотя вопрос был деликатным, я все же спросил:

– Это из-за того... что вы кролики? – Я старался сказать это прямо, не заискивая.

– Нет, – с невинным видом ответила она. – У Бобби аллергия на арахис. Потенциально смертельная.

– Понятно, – сказал я, чувствуя себя неловко из-за того, что допустил такую оплошность. – Наверное, ему очень трудно.

– Ей. Роберта, но мы зовем ее Бобби. Как в «Детях железной дороги», помнишь?

– Нет, не помню.

– В фильме ее играла Дженни Эгаттер.

– Ах, да, – сказал я, хотя на самом деле ничего не вспомнил.

– Кто там у двери? – слышался голос из глубины дома.

– Это Питер Нокс, наш новый сосед, – сказала Конни, открывая дверь пошире. За ней показался майор Кролик, энергично скакавший по ковру прихожей. Он был крепко сложен и высок – как минимум шесть футов и четыре дюйма, причем *не считая* ушей, – и потому показался мне очень грозным.

– Мы вместе ходили на лекции в университете Барнстаппла.

– Он участвовал в той *крошечной* демонстрации, которая протестовала против твоего отчисления?

– Ну...

– Я *хотел* прийти, – сказал я, – но в те выходные меня не

было в городе.

– Да ну? – сказал майор Кролик.

– Я ездил к тетушке, – пояснил я, и мое оправдание вдруг стало *еще* менее убедительным. – Она заболела.

– Хм, – сказал майор Кролик, посмотрев сначала на Конни, а затем на меня. – Вы с ним встречались?

– Что-о? *Нет*, – рассмеявшись, сказала Конни. – Ну ты и выдумщик. Нет, мы просто пили кофе и ходили в кино. Смотри, – прибавила она, – Питер принес нам подарки.

Майор Кролик забрал у нее корзинку, приподнял полотенце, несколько секунд смотрел на морковку, а затем хмуро уставился на меня.

– Это еще что такое? Вы так шутите?

– Клиффорд, *пожалуйста*, – сказала Конни, – не позорь меня. Питер наверняка не знал. Фадды *вообще* ничего не соображают в наших традициях и обычаях.

Майор Кролик пропустил ее слова мимо ушей и продолжал угрожающе сверлить меня взглядом. Я заметил, что один его глаз был слегка светлее второго, а в его ушах было около дюжины пулевых отверстий от дуэлей – свидетельство много раз завоеванной и утраченной любви. На его левом ухе, на четверти длины от макушки, виднелся бугорок – плохо залеченная рана, – но миссис Грисвольд и Пиппа оказались правы – он и *правда* был бывшим военным. Его группа крови, резус фактор и любимый вид морковки были от-

четливо прописаны в виде татуировки на правом ухе³¹. Помеченные таким образом кролики никогда не появлялись на экранах опознавателей. В этом не было необходимости.

– Послушайте, – сказал я, медленно отодвигаясь назад, – я не хотел никого обидеть. Я думал, что кролики любят морковку, вот и все.

– Конечно же, мы любим морковку. Мы живем ради морковки. Мы бы жизнь отдали за чертову морковку. Но не за такую. Не за очищенную... обрезанную... да еще и в *корзинке*.

Он угрожающе смотрел на меня, ожидая объяснения, которого я просто не мог ему дать.

– Клиффорд, – уже тверже сказала Конни, – спокойствие, только спокойствие, помнишь?

– Слушайте, – сказал я, – я понятия не имею, чем обидел вас, но, что бы это ни было, я извиняюсь. Я ваш сосед.

Я указал на свой дом за изгородью, и Конни вместе с майором Кроликом оба посмотрели на него. Синхронно поведив носами, они переглянулись, а затем снова уставились на меня.

– Это просто подарок на новоселье, – прибавил я, – но я вижу, что пришел не вовремя. Так что оставляю вас в покое.

Я повернулся, чтобы уйти, но майор Кролик тут же сделал большой прыжок. Вмиг очутившись рядом со мной, он положил мне лапу на плечо.

³¹ Никогда не стоит недооценивать целебных свойств любимой морковки.

– Вы и правда не знали?

– Слушайте, – сказал я, ответственно относясь к своему заданию, – я признаю, что в городке не все были рады вашему переезду сюда. Но я хотел показать вам, что, несмотря на крикливое меньшинство, некоторые из нас относятся к вам с... по крайней мере... – Я попытался подобрать нужные слова, – безобидным безразличием.

Майор Кролик посмотрел на Конни, затем снова на меня и улыбнулся.

– Безразличие? А нам большего и не надо. Кажется, я должен перед вами извиниться.

Он хлопнул меня по спине.

– Я – майор Клиффорд Кролик, полк Поуис, награжден крестом «За выдающиеся заслуги».

Мы пожали друг другу руки и лапы.

– Мистер Нокс, – сказал он после секундного размышления, – вы когда-нибудь пробовали луговое рагу?

Мне пришлось признаться, что никогда не пробовал.

– Нужно обязательно устранить это прискорбное упущение. Констанция, милая, мы завтра вечером заняты?

– Играем в бридж в Россе, – сказала она. – Хотя нет, подожди, это послезавтра.

– Хорошо, – сказал майор Кролик. – Так как насчет завтрашнего вечера?

– Спасибо, – сказал я, – я с удовольствием.

– Отлично. И, мистер Нокс, пожалуйста, дочь тоже при-

водите.

– А как вы узнали, что у меня есть дочь?

– Понял по размеру одежды на бельевой веревке, – сказал он, даже не поворачиваясь в ту сторону. – Ей где-то лет двенадцать или двадцать, худенькая. Думаю, работает в сфере менеджмента.

Он наклонился поближе и тихонько принялся.

– А вот *взрослой* женщиной от вас не пахнет, – продолжил он, явно увлекшись собственными точными наблюдениями. – Партнерши у вас нет, но не потому, что вам этого хотелось. Я чувствую пустоту, утрату и глубокую печаль...

– Достаточно, милый, – сказала Конни, спускаясь с крыльца и беря мужа под руку. – Если хочешь, Питер, можешь привести и своего старшего брата. Ты его не водил к врачу? Кажется, он немного туповат.

Я нахмурился.

– У меня нет брата.

– Правда? Значит, к тебе забрался грабитель. Я видела, как он украдкой забежал к тебе в заднюю дверь, пока мы разговаривали. У него еще лицо такое в рытвинах, будто кто-то клал асфальт, но делал это впопыхах, тяп-ляп и за бесплатно.

– А, так это мой садовник, – сказал я, сообразив, что она с поразительной точностью описала Нормана Маллета. Он наверняка притаился в доме, выжидая, когда сможет расспросить меня. Я, в свою очередь, посмотрел на Конни и Клиффорда.

– Вы, похоже, очень... *наблюдательные*.

– У нас угол обзора почти в триста десять градусов, – заявил Клифффорд, указывая на свои большие глаза. – Мы видим все, что впереди, сзади и сверху. На самом деле, – с гордостью прибавил он, – мы видим то, что сзади, чуть ли не лучше, чем то, что спереди. Когда на тебя охотятся хищники, нужно все время знать, что происходит вокруг тебя.

– Полезный навык.

– Да уж, не жалуемся.

– Способность чувствовать, что творится вокруг, дает нам преимущество во враждебной среде, – пояснила Конни.

– Что ж, – с улыбкой сказал я, готовясь уйти, – я надеюсь, что Муч Хемлок покажется вам не очень враждебной средой.

Они не улыбнулись мне в ответ.

– Я очень надеюсь, что так и будет, – спокойно сказал майор Кролик. – Так что насчет завтра? Зайдете к нам в восемь?

Едва я вернулся к двери собственного дома, как началось настоящее морковное новоселье. Песню исполняли четыре кролика, одетых в полосатые пиджаки и соломенные канотье. Казалось, они не поют на кроличьем, а мелодично чихают в четыре голоса.

– Что за нелепица, – сказал Норман. Он действительно пробрался ко мне в дом и наблюдал за морковным новосельем из гостиной, прячась за тюлевыми занавесками. – Что

ты выяснил, Нокси?

– Немногое. Завтра вечером я иду к ним на ужин.

– Молодчина. Но *особенно* там не расслабляйся. Просто подружись с ними, а затем убеди в том, что за двенадцать тысяч фунтов можно купить целую гору моркови.

– Раньше ты говорил про семь тысяч.

– Священник теперь тоже в деле. Думаю, он запустил руку в пожертвования на починку крыши церкви. На самом деле мы, наверное, сможем поднять и пятнадцать, но ты пока об этом помалкивай, ладно?

Я пообещал ему, что буду помалкивать, и проводил к задней двери.

– Сделай вид, что ты мой садовник, – сказал я.

– Чего?

– Они видели, как ты входил в мой дом, так что это твоя легенда.

– Черт подери, – сказал он. – Уже нельзя и шагу ступить, чтобы соседи не сунули свой нос в твои дела.

Я закрыл за ним дверь, думая не о деньгах и не о задании, а о Конни. Я знал, что почувствовал, когда снова увидел ее, но не был уверен, чувствовала ли она то же самое – сейчас или тогда, когда нам было девятнадцать. Несмотря на то что я мог различать кроликов, я не умел *читать их эмоции*. Для этого были нужны другие способности.

Бесплодные поиски и поход по магазинам

Антикроличья партия Соединенного Королевства создавалась в 1967 году как инициативная группа, посвященная одной-единственной проблеме. По мере того как их антикроличьи идеи распространялись, она превратилась в политическую партию. И хотя в первые годы над ними лишь смеялись, популистские обещания Найджела Сметвика, а также раскол в обществе и в парламенте на два лагеря, привели к его неожиданной победе в скандальных досрочных выборах 2012 года.

Этим утром Безухий явился на работу раньше меня и Тоби, что было необычно. Кролики, как правило, не вставали рано. Когда мы вошли, он убирался на своем столе, хотя на нем и не было беспорядка. Там стояла табличка с его именем, лежало несколько молотков различных размеров, адаптированная для лап клавиатура, его собственные перьевая ручка и чернильница, благодарность, выданная ему самим Найджелом Сметвиком, и одна-единственная декоративная морковка в терракотовом горшке. Позади него на стене висел кроличий календарь с немного неприличными картинками. Сейчас он был открыт на мисс Апрель в коротких шортиках,

хотя за окном уже была середина лета.

Стоило мне войти, как Безухий прекратил уборку, откинулся назад в кресле и стал хрустеть салатом ромэн, до этого стоявшим в кувшине с ледяной водой.

Он ничего не сказал, так что я вошел в систему и начал работать, перебирая по базе всех Лабораторных мужского пола, без дуэльных шрамов и ростом не менее шести футов³². В церкви я стоял к белому кролику достаточно близко, и, хотя я сам был ростом в пять футов десять дюймов, я едва доставал ему до плеча. Я приблизительно нарисовал сплюснутую розу Тюдоров, которую видел у него в ухе, и мы, как и положено, отправили рисунок в другие департаменты, но даже два возможных совпадения, которые они мне прислали, совсем не подходили.

Сегодня я собирался пройтись по уже умершим Лабораторным на тот случай, если он инсценировал собственную смерть, чтобы избежать обнаружения. Таких было несколько сотен, и, поскольку кролики умирали часто, умерших в колонии обычно не опознавали и даже не фотографировали. После этого мне было нужно начать просматривать Лабораторных в других колониях, а это, по моим прикидкам, могло занять почти месяц. А если он незарегистрированный – что было вполне вероятно, – то я вообще зря старался. Честно

³² Не считая ушей. Рост кроликов измеряется до макушки промеж их ушей. Что любопытно, длина ушей *всегда* равна ровно трети длины тела, вне зависимости от возраста. Никто не знает почему.

говоря, если бы я возглавлял кроличье Подполье, то именно по этой причине брал бы в курьеры только незарегистрированных Лабораторных кроликов – их было почти невозможно опознать.

– Как у тебя дела с Ушастым? – спросил Безухий. Прибавлять «7770» было уже не нужно – в последние недели я искал только его.

– Никак, – сказал я, – но мне еще предстоит просмотреть уйму физиономий.

– Нам нужно его имя, Нокс.

– Я знаю, – сказал я. – И работаю настолько быстро, насколько могу.

День тянулся медленно до самого ланча, когда я побрел в район Старого рынка, чтобы купить в «ТК-Макс» носки.

На улице было тепло, но не душно, покупатели пребывали в приподнятом настроении, а в городке было тихо, как и заведено в понедельник. Когда я проходил мимо стоянки у кинотеатра «Одеон», то заметил «Додж Монако» семейства Кроликов. Я знал, что это именно их машина, потому что, во-первых, в Херефорде такие можно было увидеть нечасто, а во-вторых, на багажнике был наклеен традиционный и ироничный стикер с кроликом из «Плейбоя». Традиционным он был потому, что этот символ являлся неофициальной эмблемой «Кроличьего Равенства», а ироничным, потому что клубы «Плейбой» никогда не разрешали *настоящим*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.